

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic

*Official Journal of Atatürk University Faculty of Letters
Department of Russian Language and Literature*

Issue: 1 • September 2024

EISSN 3061-9874

<https://dergipark.org.tr/en/pub/ri>

Russian Insight: Literature, culture and linguistic

EDITOR / EDİTÖR

Rahman ÖZDEMİR

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

ASSOCIATE EDITOR/ YARDIMCI EDİTÖR

Onur YILDIZ

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

EDITORIAL BOARD / YAYIN KURULU

Petrova Svetlena MAKŞİMOVNA

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. M.K. Ammosov
North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
Yakutsk-Kuzey Doğu Federal Üniversitesi, Rusya

Muhammed TAŞKESENLİĞİL

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Erdi AKSAKAL

Department of Sociology,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Sosyoloji Bölümü, Erzurum, Türkiye

Ersin ÇETİNKAYA

Department of Translation and Interpretation
Ankara Social Sciences University, Ankara, Turkey,
Ankara Sosyal Bilimler Üniversitesi - Mütercim ve Tercümanlık Bölümü Ankara,
Türkiye

Julian LESCANO

Department of Biology,
National University of Lanús, Lanús, Buenos Aires, Argentina
Lanus Ulusal Üniversitesi - Biyoloji Bölümü,
Buenos Aires, Arjantin.

Emre Bekir GÜVEN

Department of Foreign Languages,
Siirt University, Siirt, Turkey
Siirt Üniversitesi - Yabancı Diller Bölümü, Siirt, Türkiye

ADVISORY BOARD / DANIŞMA KURULU

Salavat AIUPOV

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Svetlana AIUPOVA

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Raikova İrina NİKOLAYEVNA

Department of Philology,
Moscow City State University, Moskova,
Russia
Moskova Şehir Devlet Üniversitesi – Filoloji
Bölümü, Moskova, Rusya

Ahmet SARI

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Veyis DEĞİRMENÇAY

Department of Persian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Erdoğan ERBAY

Department of Turkish Language and Education, Atatürk University, Erzurum,
Turkey
Atatürk Üniversitesi, Türk Dili ve Eğitimi Bölümü, Erzurum, Türkiye

Nazire ERBAY

Department of Turkish Language and Education, Atatürk University, Erzurum,
Turkey
Atatürk Üniversitesi, Türk Dili ve Eğitimi Bölümü, Erzurum, Türkiye

Kubilay GEÇİKLİ

Department of English Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Maria ZAHAROVA

Department of Philology,
Moscow City State University, Moskova, Russia
Moskova Şehir Devlet Üniversitesi – Filoloji Bölümü, Moskova, Rusya

Darya Aleksandrovna MİLYAYEVA

Department of International Affairs,
Moscow City State University, Moskova, Russia
Moskova Şehir Devlet Üniversitesi – Uluslararası İlişkiler Bölümü,
Moskova, Rusya

FOREIGN LANGUAGE CONSULTANTS / YABANCI DİL DANIŞMANLARI

Hadi BAK

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Özlem ÜNSAL

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Can KARAYEL

Department of Russian Language and Literature,
Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Russian Insight: Literature, culture and linguistic

AIMS AND SCOPE

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic aims to publish studies of the highest scientific caliber in the field of Russian language and literature in the following fields: literary studies, linguistics, cultural studies, media studies, translation studies, and language teaching.

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic publishes research, review, book review, and translation articles that will contribute to the literature on with Russian language and literature. The main purpose of the journal is to disseminate the scientific knowledge produced in the field of Russian literature, culture, linguistics, legends, fairy tales, cinema, music, philosophy, advertising language, riddles-puzzles, lullabies and translations to a wide platform. In doing so, the journal aims to bring together researchers, educational practitioners and policy makers at a common intersection.

The target audience of the journal consists of researchers who are interested in or working in the field of Russian language and literature.

Disclaimer

Statements or opinions expressed in the manuscripts published in the journal reflect the views of the author(s) and not the opinions of the editors, editorial board, and/or publisher; the editors, editorial board, and publisher disclaim any responsibility or liability for such materials.

Open Access Statement

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic is an open access publication.

All content published in the journal is licensed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial (CC BY-NC) 4.0 International License which allows third parties to use the content for non-commercial purposes as long as they give credit to the original work. This license allows for the content to be shared and adapted for non-commercial purposes, promoting the dissemination and use of the research published in the journal. All published content is available online, free of charge at <https://dergipark.org.tr/en/pub/ri>.

AMAÇ VE KAPSAM

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, Rus dili ve edebiyatına odaklanılarak yapılan edebiyat bilimi, dilbilim, kültürbilimi, medyabilimi, çeviribilim ve dil öğretimi alanında en yüksek bilimsel kaliteye sahip çalışmalarını yayınlamayı amaçlamaktadır.

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, Rus dili ve edebiyatıyla ilgili literatüre katkı sunacak, özellikle araştırma, derleme, kitap incelemesi ve çeviri yazılarını yayınlamaktadır. Derginin temel amacı, Rus edebiyatı, kültürü, dilbilimi, efsaneleri, masalları, sineması, müziği, felsefesi, reklam dili, bilmece-bulmacaları, ninnileri ve çevirileri alanında üretilen bilimsel bilgiyi geniş bir platforma yaymaktır. Dergi bunu yaparken araştırmacıları, eğitim uygulayıcılarını ve politika yapımcılarını ortak bir kesişim noktasında buluşturmayı hedeflemektedir.

Derginin hedef kitlesi, Rus dili ve edebiyatı alanına ilgi duyan ya da bu alanda çalışan araştırmacılar tarafından oluşmaktadır.

Sorumluluk Reddi

Dergide yayınlanan yazılarda ifade edilen ifadeler veya görüşler, editörlerin, yayın kurulunun ve/veya yayıncının görüşlerini değil, yazar(lar)ın görüşlerini yansıtır; editörler, yayın kurulu ve yayıncı bu tür materyaller için herhangi bir sorumluluk veya yükümlülük kabul etmemektedir.

Açık Erişim Bildirimi

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic açık erişimli bir yayındır.

Dergide yayınlanan tüm içerik, Creative Commons Attribution-NonCommercial (CC BY-NC) 4.0 International License lisansı ile yayınlanmaktadır. Bu lisans, içeriğin ticari olmayan amaçlarla paylaşılmasını ve adapte edilmesini sağlayarak dergide yayınlanan araştırmaların yayılmasını ve kullanılmasını teşvik eder.

Tüm yayımlanan içerikler <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ri> adresinden çevrimiçi olarak ücretsiz olarak erişilebilir.

Contact (Editor in Chief) / İletişim (Baş Editör)

Rahman ÖZDEMİR

Atatürk University, Faculty of Letters, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Erzurum, Türkiye

✉ rahman.ozdemir@atauni.edu.tr

✉ russianinsights@atauni.edu.tr

🌐 <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ri>

☎ +90 442 231 81 81

Contact (Publisher) / İletişim (Yayıncı)

Atatürk University

Atatürk University, Erzurum, Turkey
Atatürk Üniversitesi Rektörlüğü 25240 Erzurum, Türkiye

✉ ataunijournals@atauni.edu.tr

🌐 <https://bilimseldergiler.atauni.edu.tr>

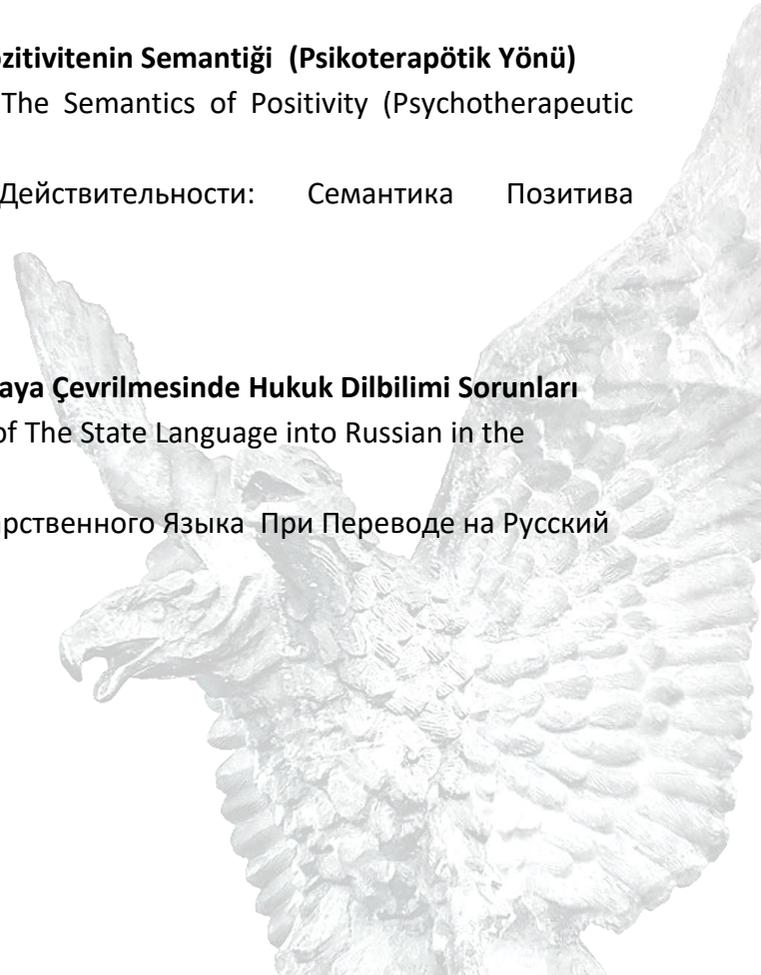
☎ +90 442 231 15 16

Russian Insight: Literature, culture and linguistic

CONTENTS / İÇİNDEKİLER

RESEARCH ARTICLES / ARAŞTIRMA MAKALELERİ

- 1 Rus Paremilerde Evlilik Hayatının Yansıması ile "Koca" ve "Eş" Bileşenleri**
Reflection of Conjugal Life in Russian Proverbs with Components "Husband" and "Wife"
Отражение Супружеской Жизни в Русских Пословицах с Компонентами «Муж» и «Жена»
Merve Melis ENKAR – Olha BOIKO
- 9 "Princesse Angine" Grubunun Şarkı Söyleminde İncil Metinlerarasılık**
Biblical Intertextuality in the Song Discourse of the Group "Princesse Angine"
Библийская Интертекстуальность в Песенном Дискурсе Группы "Princesse Angine"
Oksana KRAVCHUK
- 14 Modern Kazak Dilindeki Melez Terimlerin Dilbilimsel Özellikleri**
Linguistic Peculiarities of Hybrid Terms in the Modern Kazakh Language
Лингвистические Особенности Терминов-Гибридов в Современном Казахском Языке
Akzhibek AKHMET - Sherubay KURMANBAIULY - Saniya NURGALIYEVA
- 26 Sovyetler ve Sovyet Gerçekliğinin Sloganları: Pozitivitenin Semantiği (Psikoterapötik Yönü)**
Sovietisms and the Slogans of Soviet Reality: The Semantics of Positivity (Psychotherapeutic Aspect)
Советизмы и Лозунги Советской Действительности: Семантика Позитива (Психотерапевтический Аспект)
Valery BELYANIN
- 37 Kazakistan Cumhuriyeti'nde Devlet Dilinin Rusçaya Çevrilmesinde Hukuk Dilbilimi Sorunları**
Problems of Legal Linguistics in The Translation of The State Language into Russian in the Republic of Kazakhstan
Проблемы Юридической Лингвистики Государственного Языка При Переведе на Русский Язык в Республике Казахстан
Janyl Aubakirovna TUKEBAYEVA

Russian Insight: Literature, culture and linguistic

REVIEW ARTICLE / DERLEME MAKALESİ

- 42** “Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo” ve “Dev ile Keloğlan” Masallarındaki Erkek Karakterlerin Hiperbolik Anlamlarla Süslenerek Kahramanlaştırılması Üzerine Bir İnceleme
A Study on the Heroization of Male Characters in The Fairy Tales “Ivan The Peasant's Son and Miracle Yudo” and “The Giant and Keloğlan ”by Adorning Them with Hyperbolic Meanings
Nebahat Tuğçe TAN

THEORETICAL ARTICLE / TEORİ MAKALESİ

- 50** Eleştirel Düşünme Sorununa ya da Akım Volynsky Dünya Felsefesi Sorunu Üzerine
To the Problem of Critical Reflection, or Akim Volynsky on The Problem of Philosophy of the World
К Проблеме Критической Рефлексии, или Аким Волинский о Проблеме Философии Мира
Nina RAKOVSKAYA

Отражение Супружеской Жизни в Русских Паремиях с Компонентами «Муж» и «Жена»

Rus Paremilerde Evlilik Hayatının Yansıması ile "Koca" ve "Eş" Bileşenleri

Olha BOIKO

Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye

Merve Melis ENKAR

Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye
(Sorumlu Yazar-Corresponding Author)

Reflection of Conjugal Life in Russian Paremiias with Components "Husband" and "Wife"

Аннотация

В представленной статье проанализированы русские паремии с компонентами «муж» и «жена» в различных вариациях. Рассмотрены группы пословиц, иллюстрирующие равенство супругов в брачной жизни, образ доброй и злой жены. Примеры проиллюстрированы отсылками к древнерусскому праву. Актуальность статьи состоит в том, что сегодня важным представляется анализ пословиц, отражающих народный взгляд на супружескую жизнь и гендерные стереотипы. Новизна исследования вытекает из анализа теоретических исследований, показывающего, что на данный момент недостаточно научных работ, анализирующих русские паремии в гендерном и в историческом аспекте. При анализе пословиц были использованы компаративный и диахронический метод. Перспективы исследования состоят в дальнейшем углублении анализа и рассмотрении более широкого пласта пословиц, содержащего гендерные стереотипы.

Ключевые слова: Пословицы, поговорки, паремиологический фонд, гендерные стереотипы

Öz

Bu makale, Rusça paremiye "koca" ve "kari" bileşenleri ile farklı varyasyonlarda analiz etmektedir. Evlilik hayatında eşlerin eşitliğini, iyi ve kötü eş imajını gösteren atasözleri grupları ele alınmaktadır. Örnekler, Eski Rus hukukuna yapılan atıflarla gösterilmiştir. Makalenin önemi, günümüzde halkın evlilik hayatına bakışını ve toplumsal cinsiyet kalıp yargılarını yansıtan atasözlerini analiz etmenin önemli olmasında yatmaktadır. Araştırmanın yeniliği, şu anda Rus paremisini cinsiyet ve tarihsel açıdan analiz eden yeterli bilimsel çalışma olmadığını gösteren teorik çalışmaların analizinden kaynaklanmaktadır. Atasözlerinin analizinde karşılaştırmalı ve artzamanlı yöntem kullanılmıştır. Araştırmanın beklentileri, analizin daha da derinleştirilmesi ve cinsiyet stereotipleri içeren atasözlerinin daha geniş bir katmanının dikkate alınmasından ibarettir.

Anahtar Kelimeler: Atasözleri, deyişler, paremiyojik fon, toplumsal cinsiyet kalıp yargıları

Abstract

The presented article analyses Russian paremi with the components "husband" and "wife" in different variations. The groups of proverbs illustrating the equality of spouses in marriage life, the image of a good and evil wife are considered. The examples are illustrated by references to Old Russian law. The relevance of the article lies in the fact that today it is important to analyse the proverbs reflecting the folk view of conjugal life and gender stereotypes. The novelty of the research stems from the analysis of theoretical studies, showing that at the moment there are not enough scientific works analysing Russian paremi in gender and historical aspects. The comparative and diachronic methods were used to analyse the proverbs. Prospects of the research consist in further deepening of the analysis and consideration of a wider layer of proverbs containing gender stereotypes.

Keywords. Proverbs, sayings, paremiological fund, gender stereotypes

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Merve Melis ENKAR

E-mail: mervemelisenkar@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 24.11.2023

Kabul Tarihi/Accepted 12.06.2024

Yayın Tarihi/
Publication Date 01.09.2024

Cite this article

Boiko, O., & Enkar, M. M. (2024).

Reflection of Conjugal Life in Russian Paremiias with Components "Husband" and "Wife".

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, 1, 1-8.

Цитировать эту статью

Boiko, O., & Enkar, M. M. (2024).

Отражение Супружеской Жизни Русских Паремиях с Компонентами «Муж» и «Жена»

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, 1, 1-8.

Content of this journal is licensed under a Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License.

Введение

В. П. Аникин во введении к сборнику пословиц говорит: «Пословица — едва ли не первое блистательное проявление творчества народа. В ней, как в зерне, заложены все деятельные силы демократической культуры все великие люди благоговели перед мудростью и красотой, живописной изобразительной силой пословиц» [Anikin, 2009, р.19]. Соглашаясь с этим глубоким изречением, не можем не заметить, что демократическая культура, о которой говорит учёный, с веками менялась. И стоит сказать, что житейская мудрость, выраженная в пословицах и в них же отпечатанная, как в камне, со временем оборачивалась своей тёмной стороной, становясь стереотипом, ограничивающим, запирающим развитие личности как отдельного индивидуума в рамки общественного сознания. Поэтому так важно и актуально сегодня проанализировать пословицы, касающиеся гендерных стереотипов, ведь анализ и понимание исторических процессов, лежащих за краткой афористичностью пословицы, позволят отсеять важное и современное от устаревшего, не используя бездумно силу пословицы для ограничений и поддержания дискурса неравенства, а выбирая только те из них, которые и по сей день способны озарить бытовую речь яркой вспышкой мудрости, не стареющей с веками и не содержащей в себе дискриминирующих оценок. Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые рассмотрены особенности русских идиом с лексемами «муж» и «жена» в историческом контексте и в рассмотрении гендерных стереотипов. Цель статьи — проанализировать мини-корпус русских пословиц, содержащих лексемы «муж» и «жена». Задача состояла в выборе соответствующих идиом из сборника пословиц авторства В. Аникина и последующем их сопоставительном идиохроническом анализе.

Изложение основного материала

В. Шутина, анализируя русскую паремиологию, делает вывод о том, что русский паремиологический фонд «предоставляет большое количество пословиц, позволяющих выделить характеристики, отражающие как социальные, так и семейные отношения между мужчиной и женщиной у традиционном русском обществе». (Şutina, 2009, р.11). Материалом для исследования послужили пословицы, содержащие в себе лексемы «муж» и «жена» в различных вариациях. Как отмечает А. Эрсöz, «с момента рождения ребенка его окружают и направляют predetermined правила и ценности. Девочки и мальчики социализируются с помощью различных сексистских кодов, и все институты и лица, участвующие в социализации ребенка, такие как семья, школа, социальная среда и средства массовой информации, воспитывают ребенка в соответствии со стереотипами, соответствующими «биологическому» полу. И девочкам, и мальчикам напоминают об этих ролях на протяжении всей их жизни, и эти роли воспроизводятся. Общество ожидает, что девочки будут «хорошими домохозяйками», «хорошими матерями» и «хорошими женами», в то время как мальчики должны работать, добиваться успеха и обеспечивать семью» (Ersöz, 2010, р.13). Анализ упомянутых гендерных кодов в контексте супружеской жизни представляется актуальным для выявления основных сем концептов «муж» и «жена». В. Деткова, в свою очередь, утверждает, что «мужская ментальность эксплицирует образ, инспирированный идеальной моделью женщины-жены, хранительницы домашнего очага, обусловленный морально-нравственными установками и требованиями к будущей избраннице. В русской лингвокультуре в числе ценностных характеристик девушки отмечаются такие качества, как: целомудренность, доброта, трудолюбие, ее способность создать домашний очаг, стать для мужа надежной поддержкой в жизни, и конечно, продолжить род» (Detkova, 2015, р. 6). По утверждению З. Окрая, «когда оцениваются отношения между мужем и женой, упоминается, что женщина нуждается в мужчине, мужчина удовлетворяет все потребности женщины и заботится о ней, женщина проявляет понимание к мужчине, служит ему, и, хотя это очень редко, женщина и мужчина поддерживают друг друга» (Okraj, 2015, р. 14). Е. Аносов также высказывается в этом русле: «В процессе семейной жизни муж и жена неизменно влияют друг на друга. Такое взаимовлияние помогает супругам скрыть недостатки... и сделать друг друга лучше, прекраснее, а семью — счастливее» (Anasov, 2012, р. 3). Проиллюстрируем такой союз следующими примерами: Муж — голова, жена — душа. Муж жене — отец, жена мужу — венец. Жена мужу пластырь, а он ей пастырь. Муж да жена больше, чем брат и сестра. В данных пословицах супруги выполняют разные функции, муж отвечает за логическую составляющую,

жена — за эмоциональную, душевную. Некоторые примеры иллюстрируют полное единство супругов, например: Муж да жена — одна душа. Муж и жена — из одного кремня искры. Муж и жена — одна сатана. Муж и жена — одно дело, одно тело, один дух. Находим другие варианты: Муж — голова, жена — шея, куда захочет, туда и повернет. Жена мужа и не бьет, а под свой норов ведет. Эти две поговорки выражают мягкое, неявное доминирование женщины над мужчиной, её мудрое руководство при поддержании публичного образа патриархата. Однако в поговорках Жена верховодит, так муж по соседям бродит. Не то смешно — жена мужа бьет, а то смешно, что муж плачет попытки женщины руководить мужем высмеиваются. Отметим, что такие взаимоотношения можно рассматривать с точки зрения юнгианских архетипов. Так, Ц. Короленко и Н. Дмитриева указывают на то, что Эмма Юнг рассматривала концепцию анимуса, и «по её мнению, женщины в прошлом были относительно пассивны и настроены на то, что мужчины должны бороться за них, втайне надеясь на появление рыцаря на белом коне. Современные женщины одновременно хотят быть рядом с мужчиной, стремятся к равному статусу и в то же время не хотят расставаться с женской идентичностью (...) Эмма Юнг... считала, что слишком долго женщины подчинялись мужчинам и интернализировали в себя этот иерархический порядок» (Korolenko & Dmitriyevna, 2018). В. Шутина утверждает, что «в русской культуре социальный статус женщины был практически равен социальному статусу мужчины; женщины выполняли иные обязанности, чем мужчины, но при этом активность и ум женщины позиционировались как положительные характеристики женского пола» (Šutina, 2009, p. 11): Муж вези гуж, а жена шей рубашки. Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы. Муж — полтину, а жена — холстину, все в одно место складут, так и хорошо живут. У мужа в кармане толсто, а у жены на столе широко. Муж — с огнем, жена — с водою. Муж на службе, а жена в нужде — оба равны. Такие примеры иллюстрируют распределение обязанностей при социальном равенстве супругов. Об этом также говорят Ц. Короленко и Н. Дмитриева, описывая юнгианский архетип Анимуса в психике современных женщин: «современные женщины, вынужденные гиперсоциализироваться из-за происходящей в обществе инфантилизации мужчин, достигают внутренней гармонии, научившись попеременно «включать», в зависимости от ситуации, мужские и женские стратегии поведения» (Korolenko & Dmitriyevna, 2018). Отношения мужа и жены показаны в их взаимопомощи друг другу, а также в том, что социальное представление мужчины и женщины соотносится с их супругами. Такое соотношение проиллюстрировано в следующих поговорках: Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу. В том-то и сила, чтобы жена мужа любила. Всякому мужу своя жена мила. Когда муж с женой бранится, тогда и горшок не варится. Муж с женой что лошадь с телегой: везут, когда они исправны. Т. Архангельская акцентирует внимание на том, что «мужское доминирование в культуре коррелирует в поговорках с видением мира мужа, с характеристикой различных свойств его личности, ведь оценка жены (женщины) у поговорок чаще всего дается с точки зрения ее супруга» (Arhangelsky, 2014, p. 4). Даже если муж не является образцом красоты, поговорки указывают, что нужно любить его в любом случае: Муженек хоть всего с кулачок, да за мужчиной головой не сижусь сиротой. Муж как ворона, а все жене оборона. По утверждению В. Детковой, «женская ментальность дополняет образ женщины такими положительными качествами, как ответственность и практичность (выбирая мужа, женщина не должна упускать из внимания тот факт, что также выбирает отца своим будущим детям)» (Detkova, 2015, p. 6). Эту мысль подтверждает и Е. Акбалык: «жена мужчины имеет очень важное и определяющее значение у выражении его существования в обществе. ...женщина чрезвычайно эффективно определяет место мужчины в обществе и репутацию, которую он имеет. (...) женщина играет ключевую роль как у создании и продолжении существования семьи, так и в социальном положении мужа. Она является основателем и контролером семьи и одним из важных показателей существования ее мужа в обществе» (Akbalik, 2013, p. 12): У хорошей жены и плохой муж будет молодцом. Доброю женою и муж честен. Муж без жены — что гусь без воды. Муж без жены — что конь без узды. Мужик без бабы пуще малых деток сирота. Без мужа — что без головы; без жены — что без ума. Родители берегут дочь до венца, а муж жену — до конца. То же находим и у Е.Аносова: «во многих русских поговорках говорится о доброй жене. Понятие «добрая» включает в себя не только душевную доброту и ласку, но также умение быть хорошей хозяйкой, любящей женой, заботливой матерью. С доброй женой мужчина выдержит любые испытания и

разделит радость» (Anasov, 2012, p. 3). Тем не менее, находим намного больше примеров того, что именно репутация женщины определяется статусом её мужа: Это подтверждается следующими пословицами: За хорошим мужем и жена хороша. Мужем жена хороша. Жена при муже хороша. Жена по мужу честна. Честна жена мужем. Красна пава перьем, а жена — мужем. Птица крыльями сильна, жена мужем красна. Хорошая жена честна со своим мужем. Не муж женой красен, а жена — мужем. Т. Есенова не поддерживает точки зрения равенства супругов, отражённого в паремиологическом фонде, и утверждает, что «в русских пословицах и поговорках представлен патриархальный стереотип о женщине, который отражает андроцентрический взгляд на роль женщины в обществе, семье, а также оценивает морально-нравственные, психологические, этические качества женщины. Согласно этим гендерным стереотипам, женщина ниже мужчины по статусу, зависима от мужа в семейной жизни; эмоциональна, хозяйственна, домовита. В паремии негативно оцениваются многочисленные женские недостатки: болтливость, несдержанность, неорганизованность, глупость, скандальность и т.п. Пословицы, отображая сложившиеся в обществе традиционные гендерные стереотипы в отношении женщины, поддерживают андроцентризм современного социума. (YesenoVA, 2017, p. 8). Е. Аносов, в свою очередь, отмечает, что «апологеты теории властных отношений указывают на то, что в данной сфере преобладают мужчины. Их позицию формируют традиционно присущие им стремление к лидерству, амбициозность, властность, сила, объективность, умение принимать решения, реалистичность, будучи противопоставленными женским покорности, беспомощности, зависимости, безответственности, слабости, вере в превосходство мужского пола, пристрастности, необъективности. Женщины в свете данного подхода подвергаются негативной стереотипизации» (Anasov, 2012, p. 2). Мы находим лишь один пример того, что именно субъективная оценка мужа способна влиять на восприятие жены: У плохого мужа жена всегда дура. Как отмечает Т. Архангельская, анализируя русские пословицы, содержащие в своей структуре бинаминальную пару «муж — жена», уточняет «мотивационные признаки вербального образа злой и доброй жены, «природу, характер и истоки» злого и доброго в жене (женщине), определяет роль этих качеств в жизни мужа, семьи и общества в целом, выявляет возможные противоречия, парадоксы, заключенные в интерпретации этих противоположных характеристик жены в русском паремиологическом фонде (Arhangelsky, 2014, p. 4). Е. Аносов также утверждает, что «в противовес доброй жене в пословицах фигурирует жена злая. Со злой женой ужиться невозможно... наряду со стихийными бедствиями она способна разрушить домашний очаг и выселить мужа из дома» (Anasov, 2012, p. 3): Муж пьет, а жена горшки бьет. Муж задурит — половина двора горит, а жена задурит, и весь сгорит. Муж пьет — полдома горит, жена пьет — весь дом горит. Муж запьет — полдома пропьет, жена запьет — весь дом пропьет. В данных паремиях возможности мужа и жены сопоставляются и даже противопоставляются, с акцентом на то, что жена может натворить больше бед, чем муж, особенно в контексте неумеренного употребления алкоголя. Кроме того, неэкономность жены также может стать причиной несчастий, бедности и даже нищеты: Жена не сбережет, так мужу ни за что не сберечь. Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет. Муж носит в дом мешком, а жена выносит горшком. Очевидна большая ответственность за сохранение семейного очага, лежащая на женщине, призывы быть рачительной, экономной хозяйкой. В русских паремиях находим множество примеров образа злой жены. Такой образ может быть представлен через использование лексем «злая»: У добра мужа злая жена на добро есть; «худая» как синоним «злая»: Худая жена и хорошего мужа портит; параллелизм между природными явлениями и характером жены: Ржа железо тлит, а злая жена — мужа. Обратим внимание, что в двух приведённых примерах указано на то, что жена может тлетворно влиять на мужа. Кроме того, в паремии может быть отображено неповиновение жены супругу, а также сравнение с нечистой силой: Жена взбесилась и мужа не спросилась. Слово «взбесилась» имеет в основе корень «бес», что является одним из названий нечистой силы. Более ярко такое сравнение выражено в примере: В людях — ангел, не жена; дома с мужем — сатана. Наблюдаем противопоставление публичного поведения супруги, сравнимое с ангельским, и частную жизнь, когда жена может позволить себе быть злой и жестокой, сравнимой с сатаной. Кроме того, в русских пословицах наблюдаем сопоставление поведения мужа и жены, что чаще всего выражено в образах «муж работает или нуждается, а жена хорошо живёт, засматривается на других мужчин или делает что-то иное, но не помогает ему». Рассмотрим группу

«муж нуждается/работает, а жена хорошо живёт»: Муж в бедах, а жена в гостях. Муж в долгу, а жена в шелку. Муж пашет, а жена пляшет. Муж по деревням, а жена в ожерелье. Муж в поле пахать, а жена руками махать. Приведённые примеры, как и образцы следующей группы, построены по принципу противопоставления: «муж..., а жена...», у них присутствует рифмовка, чаще всего глагольная: «пашет — пляшет», «пахать — махать», или по принципу окказиональных антонимов: «долгу — шелку», «деревням — ожерелье». «Муж по деревням» могло означать наёмный труд, чаще всего сезонный, связанный, например, со сбором урожая или другими сельскохозяйственными работами. Другая группа выражает намёки на супружескую измену со стороны жены: Муж в дверь, а жена в Тверь. Муж — за волками, а жена — за молодцами. Муж со двора, а жена в другие ворота. Муж по дрова, а жена со двора. Заметим, что не наблюдается подобных паремий с намёками на измену со стороны мужа. По утверждению Т. Дементьевой, «прелюбодеяние мужа не являлось поводом к расторжению брака ни у Византии, ни, вероятно, на Руси... Однако и безнаказанным такое поведение тоже не оставалось. Устав князя Владимира не указывал на последствия заставанья, Устав Ярослава отмечал это как повод для развода, но поскольку на первых порах женщина ещё не обладала правом требования развода в случае прелюбодеяния супруга, то муж в такой ситуации наказывался лишь штрафом и епитимьей (ст. 8–9 Устава Ярослава Пространной и Краткой редакций) [Demetyevna, 2013, p. 5] Высшая степень образа «плохой жены» выражается в её желании избавиться от мужа: Муж — как бы хлеба нажить, а жена — как бы мужа избыть. Потешь муж жену — поди в солдаты. Как отмечает Е. Гудкова, «В 1705–1793 годах солдаты служили пожизненно. Затем срок службы сократили до 25 лет» (Gudkova, p. 7). Таким образом, пожелание пойти в солдаты было равносильно пожеланию наложить на себя руки, по крайней мере, в 18 веке, когда срок службы был пожизненным. Впрочем, и служба сроком в четверть века тоже была сопоставима со смертью. Как следует из древнерусских законов, основанных на христианской морали, «по учению церкви брак прекращается только физической смертью; расторгается же брак единственно вследствие прелюбодеяния... по христианскому учению, брак при жизни супругов нерасторжим, союз этот внутренне, так сказать, сам собою разрушается, вследствие того, что супруги не сдержали данного ими обещания — сожительствовать исключительно друг с другом всю жизнь» [Дементьева, 2013, с. 5]. Паремии образца: Большая жена мужу не мила. Худо мужу тому, у которого жена больная в дому. Муж любит жену здоровую, а брат сестру — богатую. Муж любит жену здоровую, а жених невесту — богатую. — указывают на интересный образчик древнерусского права. Как отмечает Т. Дементьева, «ст. 10–11 Устава князя Ярослава Краткой редакции подчёркивают, что различные заболевания, недуги не являются ни поводом к разводу, ни поводом к самовольному прекращению брака... более поздний памятник русского права — Правосудие митрополичье — допустил всё же развод в случае заболевания «лихим недугом». Дозволялся развод лишь в случае хронической болезни (больная жена в таких случаях обыкновенно шла в монастырь)» (Demetyevna, 2013, p. 5) Идея трудности / невозможности избавления от постылого супруга реализуется в паремике также с использованием нескольких мотивов. Образный фрагмент заполняет пространство, обозначенное двумя основными семантическими опорами: 'Жена/муж' + 'не бросить' (Seliverstova, 2009, p. 10). В законодательном контексте, как отмечает Т. Дементьева, «обращает на себя внимание то, что повод к разводу могла дать только жена, но не муж, которому предоставлялась большая свобода в семейной жизни. В шести случаях Устав Ярослава разрешал развод, и все шесть — по вине женской стороны. Так воспитывался взгляд на мужа как на главную фигуру в брачном союзе, в котором жена должна вести себя правильно и мужебоязненно, что, как и предполагалось, способствовало укреплению семьи» (Demetyevna, 2013, p. 5). Е. Флигинских также утверждает, что «традиционно главой дома считался муж, и жена была обязана ему подчиняться. Сварливых и непокорных мужьям разрешалось наказывать. В тобольских деревнях существовала на этот счет пословица: Сколочена посуда два века живет. Выделяется группа пословиц с когнитивной «жену надо бить» (Fliginski, 2015, p. 9). Тем не менее, в словаре А. Аникина находим лишь одну пословицу, в которой чётко выражено оправдание побоев жены мужем: Муж не бьет свою жену, он направляет ее. Есть и паремия Битая посуда два века живёт. Обратим внимание, что в древнерусском праве, как утверждает Т. Дементьева, «возможен был также развод вследствие жестокого обращения мужа с женой, под которым, при грубости нравов тогдашнего общества,

подразумевались лишь систематические, почти смертельные побои, или, как тогда говорили, «изгонка мужнина» (Dementyevna, 2013, p. 5). Как видим, «обычные», «бытовые» побои не считались жестоким обращением, мало того, существовало немало поводов, за которые муж имел право наказывать жену. Наиболее активно исчерпывает все варианты невозможности избавиться от постылого супруга «обувной» мотив (Seliverstova, 2009, p. 10): Муж не башмак: с ноги не сбросишь. Муж не лапоть: с ноги не скинешь. Муж не сапог: не снимешь с ног. Как утверждает Е. Селиверстова, «эти паремии в компактной форме представляют мотив, который встречается и в других жанрах, проецируется на отдельные обряды или их элементы. В частности, пословичный сапог связан со свадебным обрядом, включающим снятие сапога с жениха, и с девичьими гаданиями, когда за порог дома бросают башмак в надежде узнать, откуда появятся женихи» (Seliverstova, 2009, p. 10).

Выводы

Представленный анализ русских паремий показал, что в пословицах, содержащих семы «муж» и «жена» присутствуют паремии, иллюстрирующие равенство супругов у быту и в социальной жизни; пословицы, указывающие на то, что женская репутация зависит от репутации её мужа, реже — репутация мужа зависит от образа жены в обществе. Большой пласт пословиц иллюстрирует образ злой, худой жены, как большого несчастья для мужчины. Законы и уставы средневековья объясняют большую трудность разрыва отношений, что повышало важность правильного выбора супруга/супруги, с которыми предстоит прожить всю оставшуюся жизнь. Таким образом, можем сделать вывод, что в паремиологическом фонде запечатлены «оттиски» социальных и культурных условий средневековья, ограниченные гендерными и юридическими стереотипами, а следовательно, в большой мере утратившие свою актуальность. Перспективы исследования состоят в том, чтобы проанализировать гендерные стереотипы, представленные в пословицах, в более широком аспекте семейных и социальных отношений.

Hakem Değerlendirmesi: *Dış bağımsız.*

Yazar Katkıları: [Merve Melis ENKAR (MME), Olha BOIKO (OB)]: *Fikir-MME; Tasarım-MME; Denetleme-OB; Kaynaklar-OB, MME; Veri Toplanması ve/veya İşlemesi-MME; Analiz ve/veya Yorum-MME; Literatür Taraması-MME; Yazıyı Yazan-MME; Eleştirel İnceleme-OB.*

Çıkar Çatışması: *Yazarlar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.*

Finansal Destek: *Yazarlar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.*

Peer-review: *Externally peer-reviewed.*

Author Contributions: [Merve Melis ENKAR (MME), Olha BOIKO (OB)]: *Concept -MME; Design-MME; Supervision-OB; Resources-OB, MME; Data Collection and/or Processing-MME; Analysis and/or Interpretation-MME; Literature Search-MME; Writing Manuscript-MME; Critical Review-OB.*

Conflict of Interest: *The authors have no conflicts of interest to declare.*

Financial Disclosure: *The authors declared that this study has received no financial support.*

Ссылки / References

Аникин В. П. (1988). Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература. [Russian proverbs and sayings. (Russkie poslovitsy i pogovorki. M.: Khudozhestvennaya literatura.) M.: Art Literature.] In Russian.

Аносов, Е. А. (2012). Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации. Вестник Южно-Уральского государственного университета. [Gender stereotypes in Russian language paremi in the light of methodological approaches to the study of the phenomenon of gender stereotyping Bulletin of the South Ural State University.] Серия: Лингвистика, (25), 93-96. In Russian.

Аносов, Е. А. (2012). Репрезентация гендерных стереотипов русской лингвокультуры в паремиях, характеризующих супружество и семейную жизнь. Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, [Representation of gender stereotypes of Russian linguoculture in paremes characterising marriage and family life. Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University] (9), 184–192. In Russian

Архангельская, Т. А. (2014). Добрая и злая жена в мире русской пословицы. Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, [Good and evil wife in the world of Russian proverbs. Bulletin of the Yaroslav the Wise Novgorod State University., (77), 55–57. In Russian.

Дементьева, Т. Ю. (2013). Прекращение и расторжение брака по древнерусскому праву. Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, [Termination and dissolution of marriage under Old Russian law. Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev]. № 2(78) In Russian.

Деткова, В. А. (2015). Образ женщины в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» сквозь призму гендерной ментальности. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, [The image of a woman in Russian and English paremi of the semantic group «Family relations» through the prism of gender mentality. Vestnik of the South Ural State University]. Series: Linguistics, 12 (4), 61–66. In Russian.

Гудкова, Е. История вопроса: рекрутская повинность. [History of the issue: recruitment conscription]. URL: <https://goo.su/2FExFG> [In Russian].

Есенова, Т. С.; Есенова, Г. Б.; Горяева, В. В.; Харчевникова, Р. П. (2017). Андроцентризм гендерных стереотипов (на примере паремии). Вестник Калмыцкого университета, [Androcentrism of gender stereotypes (on the example of paremia)]. (2(34)), 86–92. In Russian.

Короленко, Ц. П.; Дмитриева, Н. В. (2018). Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях. Научный сетевой журнал “Медицинская психология в России”, [Korolenko, C. P.; Dmitrieva, N. V. (2018). The main archetypes in classical Jungian and modern representations. Scientific online journal ‘Medical Psychology in Russia’, vol.] 10, (1 (48)). In Russian.

Флигинских, Е. Е. (2015). Лингвистическая характеристика образа жены во фразеологических оборотах английского, французского и русского языков. Вестник Марийского государственного университета, [Linguistic characteristics of the wife's image in phraseological turns of English, French and Russian languages. Bulletin of Mari State

University] (2 (17)), 118–122. In Russian.

Селиверстова, Е. И. (2009). Пословичный тип: модель, вариант, синоним. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, [Proverbial type: model, variant, synonym. Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature] (3), 185–193. In Russian.

Шутина, В. Н. (2009). Сопоставительный анализ бинарной оппозиции «Мужчина - женщина» в русской и французской пословичных картинах мира. Наука. Инновации. Технологии, [Comparative analysis of binary opposition «Man — woman» in Russian and French proverbial pictures of the world. Nauka. Innovations. Tekhnologii], (3), 92–98. In Russian.

Akbalık, E. (2013). Atasözlerinde Cinsiyet Algısı. Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, (36), URL: <https://goo.su/SzOpIPi>

Ersöz, A. G. (2010). Türk Atasözleri Ve Deyimlerinde Kadına Yönelik Toplumsal Cinsiyet Rollerini. Gazi Türkiyat, 1 (6), 167–182. URL: <https://goo.su/njd0GS>

Okray, Z. (2015). Türk Atasözlerinde Ve Deyimlerinde Kadın İmgesi. LAÜ Sosyal Bilimler Dergisi, 6 (1), 93–102. URL: <https://goo.su/TU9Eh>

Библейская Интертекстуальность в Песенном Дискурсе Группы "Princesse Angine"

"Princesse Angine" Grubunun Şarkı Söyleminde İncil Metinlerarasılık

Biblical Intertextuality in the Song Discourse of the Group "Princesse Angine"

Oksana KRAVCHUK

Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili
ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum, Türkiye
(Sorumlu Yazar-Corresponding Author)

Аннотация.

В статье проанализированы цитаты и аллюзии к библейским религиозным текстам, представленные в песенном дискурсе австрийской группы "Princesse Angine". Выявлено, что указанные интертекстуальные отсылки по большей части относятся к Ветхому, реже – к Новому Завету. **Актуальность** исследования состоит в том, что анализ упомянутых текстов позволит расширить понимание современного русскоязычного песенного дискурса и его большую ориентированность на образованную, читающую аудиторию. **Новизна** состоит в том, что на сегодняшний момент отсутствуют научные работы, посвященные анализу песенного дискурса этой группы, и в целом песенная поэзия не подвергалась глубокому исследованию. Сделаны **выводы**, что использование подобных интертекстуальных включений добавляет смысловой глубины и дополнительных оттенков смысла песням в жанре инди-поп.

Ключевые слова: Песенный дискурс, религиозные цитаты, аллюзии, интертекст

Öz

Bu makale, Avusturyalı müzik grubu "Princesse Angine" in şarkı söyleminde İncil'deki dini metinlerden yapılan alıntılar ve imaları analiz etmektedir. Bu metinlerarası göndermelerin çoğunlukla Eski Ahit'e, daha az sıklıkla da Yeni Ahit'e atıfta bulunduğu ortaya çıkmıştır. Çalışmanın önemi, söz konusu metinlerin analizinin, modern Rusça şarkı söylemi anlayışını genişletmemize ve eğitilmiş, okuyan bir kitleye daha fazla odaklanmamıza izin vereceği gerçeğinde yatmaktadır. Çalışmanın yeniliği, bugüne kadar bu grubun şarkı söylemini analiz etmeye adanmış hiçbir bilimsel çalışma bulunmaması ve genel olarak şarkı şiirinin derinlemesine bir araştırmaya tabi tutulmamış olmasından kaynaklanmaktadır. Bu tür metinlerarası eklemelerin kullanımının indie-pop türündeki şarkılara anlamsal derinlik ve ek anlam tonları kattığı sonucuna varılmıştır.

Anahtar kelimeler: Şarkı söylemi, dini alıntılar, imalar, metinlerarası

Abstract

The article analyzes quotations and allusions to biblical religious texts presented in the song discourse of the Austrian band "Princesse Angine". It is revealed that these intertextual references mostly refer to the Old Testament, and less often to the New Testament. The relevance of the study lies in the fact that the analysis of the mentioned texts will allow us to expand the understanding of modern Russian-language song discourse and its greater focus on an educated, reading audience. The novelty consists in the fact that to date there are no scientific works devoted to the analysis of song discourse of this group, and in general song poetry has not been subjected to in-depth research. It is concluded that the use of such intertextual inclusions adds semantic depth and additional shades of meaning to songs in the genre of indie-pop.

Keywords: Song discourse, religious quotations, allusions, intertexts

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Oksana KRAVCHUK

E-mail: oks.kravth@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 26.06.2024

Kabul Tarihi/Accepted 24.07.2024

Yayın Tarihi/ 01.09.2024

Publication Date

Cite this article

Kravchuk, O. (2024). Biblical Intertextuality in The Song Discourse of The Group "Princesse Angine" *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 9-14.

Цитировать эту статью

Kravchuk, O. (2024). Библейская Интертекстуальность в Песенном Дискурсе Группы "Princesse Angine" *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 9-14.

Content of this journal is licensed under a Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License.

Введение

Интертекстуальность в песенных произведениях в последнее время стала объектом активного исследования филологов. Так, Т. Давыдова анализирует интертекстуальные отсылки в современной рок-музыке, в частности, в песнях группы “Би-2” (Davidova, 2019). Е. Абрамичева и А. Петраков также исследуют интертекстуальность в современном рок-дискурсе на материале английского и испанского языков (Abramičeva & Petrakov, 2021).

Я. Янченко, анализируя песенный дискурс, утверждает, что он синонимичен музыкальному поэтическому дискурсу, поскольку “включает в себя тексты как словесное художественное творчество (поэзия) в совокупности с экстраязыковыми условиями и инструментальную мелодию (музыкальный аспект)” (Yaņcenko, 2019). Мы не совсем согласны с этим, поскольку считаем, что поэзия, положенная на музыку, и поэтические произведения, исполняемые чтецом в музыкальном сопровождении, отличаются. В нашем исследовании мы будем использовать понятие “песенный дискурс”, поскольку в сфере анализа находятся именно тексты песен.

Я. Янченко, проанализировав современную проблематику исследования песенного дискурса, утверждает, что “жанровое пространство изучаемого вида дискурса представлено тремя направлениями: рок, поп и рэп” (Yaņcenko, 2019). Предметом нашего исследования стали тексты песен в стиле инди-поп, составляющие корпус творчества австрийско-российской группы “Princesse Angine”, объектом - интертекстуальные отсылки в этих текстах. Новизна представленной статьи состоит в том, что до сих пор тексты этой группы не становились предметом филологического анализа. Актуальность исследования состоит в том, что анализ упомянутых текстов позволит расширить понимание современного русскоязычного песенного дискурса и его большую ориентированность на образованную, читающую аудиторию. Цель статьи: проанализировать библейские отсылки в текстах песен, что ставит перед нами задачу изучить эти тексты и создать выборку интертекстуальных отсылок религиозного характера. Тексты песен были взяты с сайтов, библейские цитаты с сайта “Библия-центр”.

Изложение Основного Материала

Интертекстуальность, по определению О. Бойко, представляет собой “текстово-дискурсивную категорию, которая является одновременно процессом взаимодействия текстов/дискурсов и результатом вербального выражения (интертекстуализации) в тексте “чужого”, заимствованного, атрибутированного или не атрибутированного слова” (Бойко, 2021, р. 45). Исходя из этого определения, мы будем говорить о неатрибутированных заимствованиях, поскольку в текстах не указываются источники заимствований, авторы песенной поэзии рассчитывают на образованность аудитории, кроме того, ограничены объёмом песни, ритмом и размером поэтических произведений.

Анализ опубликованных на сегодня песенных произведений группы “Princesse Angine” позволил выявить несколько основных типов цитирований. Рассмотрим их подробнее.

Собственно название группы представляет собой аллюзию на одноимённую сказку для взрослых французского сюрреалиста Ролана Топора (Торог, 2009). Это произведение не является широко прецедентным, однако, будучи сюрреалистическим, задаёт тон и атмосферу всем песенным текстам, в которых обнаруживаются многочисленные оксюмороны, игра слов и смыслов.

Одной из разновидностей интертекстуальных отсылок в текстах являются религиозные отсылки – аллюзии или цитаты из религиозных текстов. В русскоязычном дискурсе наиболее популярны отсылки к христианской мифологии. По утверждению О. Бойко, “библейские высказывания, которые приобрели статус афоризмов и принадлежат к универсально-прецедентным единицам, чаще всего вводятся в текст неатрибутированными. Их узнаваемости способствует наличие архаизмов, специфический синтаксис (лексические повторы, инверсия), прецедентные высказывания и религиозная лексика (Бойко, 2021).

Обратимся к примерам. В песне “Весенняя лихорадочная” (Terapevičeksi Rok, 2015) встречается следующая интертекстуальная аллюзия (отсылка к тексту без прямого цитирования): *Передо мною вопросы, что встали ребром, Его однажды с утра не досчитался Адам. (...) Но не печалься, Адам, я - твоё...* Мы наблюдаем

прецедентное имя Адам и упоминание о ребре. Это отсылка к Книге Бытия: “Позже Бог усыпил Адама, взял одно из его рёбер и сотворил из него первую женщину — Еву, которая стала женою для первого человека”. Кроме того, мы наблюдаем игру слов и смыслов: вопросы встали ребром – находим во Фразеологическом словаре русского литературного языка: “Книжн., экспрес. Заявлять со всей решительностью, категоричностью” (Frazeolohičeksi Slovar); в словаре Ушакова говорится о том, что это выражение пошло от “ставить последнюю копейку ребром” (Ušakov, 2017). Таким образом, мы наблюдаем использование для языковой игры многозначности слова ребро: как части тела и как гурта монеты. Во фразе “Но не печалься, Адам, я - твоё” находится скрытый намёк, что рассказчик является Евой, которая, по Библии, и была создана из ребра Адама.

Образ Евы также встречается в текстах песен группы “Princesse Angine”. Так, в сингле “Ева и яблоки” мы находим развёрнутый сюжет:

Ева глядит на рай, думает : "Что за дыра!"

Ева глотает яд, но ангелы встали строем

И не пускают в ад (...)

Ева кидается яблоками,

Не попадая в Адама (...)

Время разбрасывать яблоки

И собирать огрызки

Здесь, помимо универсально-прецедентных упоминаний о рае, аде и ангелах, мы наблюдаем упоминание прецедентных имён Адама и Евы. Кроме того, говорится о том, что “Ева кидается яблоками”, и это очередная отсылка к мифу об Адаме и Еве и плоде с дерева познания добра и зла. В Ветхом Завете говорится о плоде, без указания на то, что именно это был за плод: “И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел”. И. Бер утверждает: “в представлении многих яблоко стало запретным плодом благодаря неточному переводу Библии на латынь и европейским художникам, традиционно изображающим яблоко в своих библейских сюжетах. На самом же деле в Библии не указано, какой именно фрукт сорвала Ева в сцене грехопадения” (Ber, 2022).

Далее мы наблюдаем следующую трансформированную цитату: “Время разбрасывать яблоки и собирать огрызки”. Эта цитата отсылает к выражению из Ветхого Завета, книги Екклесиаста: “Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить. Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать. Время разбрасывать камни, и время собирать камни”. Таким образом, именно пятый стих – *Время разбрасывать камни, и время собирать камни* – был трансформирован в тексте песни.

В текстах присутствуют также крылатые выражения, которые представляют собой цитаты из Нового Завета: *отличить попробуй зёрна от плевел В своём последнем бою...* (сингл “Мне снилась война”). Значение поговорки – отделить хорошее от дурного, полезное от вредного. Она берёт свои истоки в притче о человеке, который посеял на своём поле зерном, а ночью его враг посеял там же сорняки (плевелы). Рабы предложили выдернуть сорняки, однако хозяин возразил, что они могут вместе с сорняками выдернуть и пшеницу: «Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; оставьте вместе расти то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою»

Наконец, встречаем упоминание о распятии Христа, представленное всего одним прецедентным топонимом Голгофа: *А помнишь ночь на Голгофе: Снимали хмурых и тощих* (Воздух с запахом кофе). Рассмотрим текст, к которому отсылает эта аллюзия. В Евангелии от Иоанна, глава 19, стихи 17-42, описано распятие и погребение Иисуса Христа: “ И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса. (...) После сего Иосиф из Аримафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, — просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и

снял тело Иисуса”. Эта цитата не является смыслообразующей в тексте песни, однако добавляет ему дополнительной глубины.

Выводы

Использование библейских цитат в песенных текстах группы “Princesse Angine” ориентировано на образованную публику, однако авторы текстов не используют узкоспециализированных цитат, а упоминают универсально-прецедентные выражения или аллюзии, многие из которых стали крылатыми выражениями и афоризмами. Введение библейских интертекстуальных единиц добавляет текстам песенного дискурса дополнительного объёма, позволяет играть со смыслами и оттенками смыслов, ориентируясь не на самую широкую аудиторию, а на тех слушателей, которые рассчитывают на интеллектуальное удовлетворение от прослушивания песен.

Перспективы исследования состоят в том, чтобы проанализировать другие типы интертекста в песнях указанной группы, а также в других современных русскоязычных песенных текстах направлений инди-поп и cardwave.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

Ссылки / References

Абрамичева, Е. & Петраков, А. (2021). Реализация интертекста в современном рок-дискурсе (на материале английского и испанского языков). *Вестник Удмуртского университета. Серия “Филология”*. [Realisation of intertext in modern rock discourse (on the material of English and Spanish)]. Т. 31, вып. 2, 236–245. In Russian.

Бер, И. (2022). *Правда ли, что запретным плодом из библейского Эдемского сада было яблоко?* URL: <https://bitly.cx/qxrz> [Is it true that the forbidden fruit from the biblical Garden of Eden was the apple?] In Russian

Библия-центр. [Bible Center]. URL: <https://www.bible-center.ru/> [In Russian]

Бойко, О. (2021). *Реалізація категорії інтертекстуальності в художньому дискурсі фентезі*. Дис. на здобуття наук. ступ. доктора філософії за спец. 035 Філологія. Одеський національний університет імені І. І. Мечникова. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.35845.12008> [The implementation of the category of intertextuality in the literary discourse of fantasy] In Ukrainian

Давыдова, Т. (2019). Интертекстуальность в песнях группы “Би-2”. *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. URL: <https://goo.su/Hr6aCWa> (Intertextuality in the songs of the band "Bi-2") №2 (14), 5–10. In Russian.

Топор, Р. (2009). *Принцесса Ангина*. (Princesse Angine). Пер. с французского Надежды Бунтман. М.: Самокат. Ахе, R. (2009). [Princesse Angine. (Princesse Angine). Per. from French by Nadezhda Buntman. Moscow: Samokat.] In Russian.

Янченко, Я. (2019). Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. №4, вып. 10. URL: <https://goo.su/XqQSy4> [The linguistic aspect of song discourse research: relevance and multidimensionality]. In Russian.

Ушаков, Д. (2017). Ребро. (Rib). *Большой толковый словарь русского языка*. М.: Славянский дом книги. [Ushakov, D. (2017). Rib. (Rib). Large explanatory dictionary of the Russian language. M.: Slavic Book House.] In Russian.

Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <https://bitly.cx/ks4id> [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. In Russian

Princesse Angine – аккорды и тексты песен. URL: <https://www.5lad.ru/akkordy/princesse-angine/> [Princesse Angine - chords and lyrics]. In Russian.

Princesse Angine – аккорды, тексты песен, слова. (URL: <https://primanota.net/princesse-angine/> [Princesse Angine - chords and lyrics]. In Russian.

Лингвистические Особенности Терминов-Гибридов В Современном Казахском Языке

Modern Kazak Dilindeki Melez Terimlerin Dilbilimsel Özellikleri

Linguistic Peculiarities of Hybrid Terms in The Modern Kazakh Language

Akzhibek AKHMET

Department of Philology , L.N.Gumilyov
Eurasian National University Astana,
Kazakhstan

(Sorumlu Yazar-Corresponding
Author)

Sherubay KURMANBAIULY

Department of Philology , L.N.Gumilyov
Eurasian National University Astana,
Kazakhstan

Saniya NURGALİYEVA

Atatürk University, Faculty of Literature,
Department of Russian Language and
Literature, Erzurum, Turkey

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Akzhibek AKHMET

E-mail: akjibekz@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 20.07.2024

Kabul Tarihi/Accepted 05.08.2024

Yayın Tarihi/ 01.09.2024

Publication Date

Cite this article

Akhmet, A. & Kurmanbaiuly, S. &
Nurgaliyeva, S. (2024). Linguistic
Peculiarities of Hybrid Terms in The
Modern Kazakh Language
*Russian Insights: Literature, Culture
and Linguistic*, 1 , 14-25.

Цитировать эту статью

Akhmet, A. & Kurmanbaiuly, S. &
Nurgaliyeva, S. (2024).
Лингвистические Особенности
Терминов-Гибридов В
Современном Казахском Языке
*Russian Insights: Literature, Culture
and Linguistic*, 1 , 14-25.

Аннотация

Актуальность заявленной тематики научного исследования определяется наличием проблем связанных с современными словообразовательными тенденциями в казахском языке, терминообразованием, языковой интеграцией и дифференциацией в современном казахском языкознании, которые требуют детального обзора, качественного анализа и немедленного разрешения. Данная научно-исследовательская работа нацелена на изучение особенностей терминообразования в современном казахском языке и характеристику терминов-гибридов, сформированных в результате влияния процессов языковой дифференциации и интеграции. Также это исследование ориентировано на изучение специфики образования терминов-гибридов, выявление наиболее продуктивных способов их образования и характера языкового материала. Основой методологического подхода в данной научно-исследовательской работе является качественное сочетание теоретических методов исследования с практическими методами. В частности, анализ, синтез, интерпретация, обобщение и абстрагирование были использованы для определения теоретических подходов к объяснению понятий «терминообразование», «термины-гибриды» и «гибридизация», а проблемно-сравнительный и структурный методы применялись для исследования и анализа терминов-гибридов в современном казахском языке. Главными результатами, полученными в рамках этого научного исследования, следует считать обоснование главных особенностей терминообразования современного казахского языка, основных подходов к определению понятий «термины-гибриды», «терминообразование», «гибридизация», а также проведение анализа терминов-гибридов и основных способов их словообразования. Результаты этого научного исследования, а также сформулированные на их основе выводы представляют практическую ценность для филологов, лингвистов, переводчиков и других ученых, которые занимаются актуальными проблемами языкознания, терминообразования и словообразования в современном казахском языке.

Ключевые Слова: Гибридное словообразование, терминосистема, заимствования, заимствованная лексика, терминологическое словосочетание.

Öz

Belirtilen bilimsel araştırma konusunun alaka düzeyi, Kazak dilindeki modern kelime oluşum eğilimleriyle ilgili sorunların varlığı, Modern Kazak dilbiliminde terminoloji, dil entegrasyonu ve farklılaşma ile ayrıntılı bir inceleme, niteliksel analiz ve acil çözüm gerektiren sorunların varlığı ile belirlenir. Bu araştırma çalışması, Modern Kazakçadaki terminolojinin özelliklerini incelemeyi ve dilsel farklılaşma ve entegrasyon süreçlerinin etkisiyle oluşan melez terimlerin karakterizasyonunu amaçlamaktadır. Ayrıca bu çalışma, melez terimlerin oluşumunun özelliklerini incelemeye, oluşumlarının en verimli yollarını ve dil materyalinin doğasını belirlemeye odaklanmaktadır. Bu araştırma çalışmasındaki metodolojik yaklaşımın temeli, teorik araştırma yöntemlerinin pratik yöntemlerle niteliksel bir kombinasyonudur. Özellikle 'terim oluşumu', 'melez terimler' ve 'melezleşme' kavramlarını açıklamaya yönelik teorik yaklaşımları tanımlamak için analiz, sentez, yorumlama, genelleme ve soyutlama kullanılmış, modern Kazakça 'da melez terimleri araştırmak ve analiz etmek için problem-karşılaştırmalı ve yapısal yöntemler kullanılmıştır. Bu bilimsel çalışma çerçevesinde elde edilen ana sonuçlar, Modern Kazak dilinin terminolojisinin temel özelliklerinin gerçekleştirilmesi, 'melez terimler', 'terim oluşumu', 'melezleşme' kavramlarının tanımlanmasına yönelik ana yaklaşımların yanı sıra melez terimlerin ve bunların kelime oluşumunun ana yöntemlerinin analizinin yapılması olarak düşünülmelidir. Bu bilimsel çalışmanın sonuçları ve bunlara dayanarak formüle edilen sonuçlar, Modern Kazakça 'da dilbilim, terminoloji ve kelime oluşumuyla ilgili güncel sorunlarla ilgilenen filologlar, dilbilimciler, çevirmenler ve diğer bilim adamları için pratik değere sahiptir.

Anahtar Kelimeler: Melez kelime oluşumu, terminosistem, ödünç kelimeler, ödünç alınan kelime dağarcığı, terim ögesi, terminolojik ifade.

Abstract

The relevance of the stated research topic is determined by the presence of problems related to modern word-formation trends in the Kazakh language, terminology formation, language integration and differentiation in modern Kazakh linguistics, which require a detailed review, qualitative analysis and immediate resolution. This research work is aimed at studying the features of term formation in the modern Kazakh language and the characteristics of hybrid terms formed as a result of the influence of the processes of linguistic differentiation and integration. This study is also focused on studying the specifics of the formation of hybrid terms, identifying the most productive ways of their formation and the nature of the language material. The basis of the methodological approach in this research work is a qualitative combination of theoretical research methods with practical methods. In particular, analysis, synthesis, interpretation, generalization and abstraction were used to define theoretical approaches to explaining the concepts of "term formation", "hybrid terms" and "hybridization", and problem-comparative and structural methods were used to study and analyze hybrid terms in the modern Kazakh language. The main results obtained within the framework of this scientific research should be considered the substantiation of the main features of the term formation of the modern Kazakh language, the main approaches to defining the concepts of "hybrid terms", "term formation", "hybridization", as well as the analysis of hybrid terms and the main ways of their word formation. The results of this scientific research, as well as the conclusions formulated on their basis, are of practical value for philologists, linguists, translators and other scientists who deal with topical problems of linguistics, terminology and word formation in the modern Kazakh language.

Keywords: Hybrid word formation, terminological system, borrowings, borrowed vocabulary, term element, terminological phrase.

Введение

На современном этапе казахский язык находится в постоянной динамике. В связи с обретением Казахстаном независимости, а также с многочисленными экономическими, политическими и культурными преобразованиями появилось значительное количество новых слов, которые образуются различными способами. Среди возникших новых слов можно выделить две главные группы: лексические инновации, которые создаются, используя внутренние традиционные модели словообразования и слова, взятые из разных иностранных языков, к которым относятся как заимствованные слова, так и слова, созданные вследствие гибридных образований (Kosheikova, 2020). Гибридные образования формируются на основании интеграции лексем казахского языка и иностранного. Особое место промеж гибридных образований современного казахского языка занимают термины-гибриды.

Термины, как и все слова в языке, служат для обогащения национального языка. Они являют собой лексические единицы, которые выражают целые понятия и являются ключом к технике, науке, политике, искусству и других сфер. Исходя из формирования глобального информационного пространства, а также динамики экономических и общественных процессов удельный вес заимствованных слов в лексической системе казахского языка постоянно растет и считается, что в среднем 90% новых слов, которые появляются в языке – это термины (Abdul'manov, 2022).

Поэтому, на данном этапе очень важным заданием языкознания является исследование всех возникших терминов, в том числе терминов-гибридов, которые представляют особый интерес для языкознания с точки зрения языковой дифференциации и интеграции. Цель данной научно-исследовательской работы состоит в рассмотрении лингвистических особенностей терминообразования в современном казахском языке, характеристике терминов-гибридов и изучении специфики их образования. Анализ научной литературы по обозначенной проблематике показал отсутствие основательных научных исследований, поскольку ученые, которые работают с данной проблемой, не обращают должного внимания на изучение именно терминов-гибридов, а больше занимаются общими вопросами словообразования, пополнения терминосистемы казахского языка и проблемами заимствованных слов.

К примеру, А. Абдулманов и Ж. Саматова в публикации «Особенности развития казахской терминологии» рассматривают общие вопросы терминологии казахского языка и утверждают, что наиболее широко используются традиционные способы образования терминов. Исследователи не обращают должного внимания на процессы гибридизации терминов и их особенности (Abdul'manov, 2022). Г. Н. Кузембаева в статье «Проблемы заимствованных слов в казахском языке» анализирует состав слов в лексике казахского языка, которые были

переведены и заимствованные с других языков и имеющие общие корни латинского происхождения. Автор подчеркивает, что среди заимствованных слов есть очень много интернациональных слов, которые выделяются в отдельную группу по грамматическому оформлению и смысловому содержанию. Также Г.Н. Кузембаева утверждает, что в казахском словаре очень много терминов латинского происхождения (Kuzembaeva, 2018). Ж.К. Нурмахова в работе «Вопросы терминообразования» рассматривает особенности морфемного, этимологического и словообразовательного анализа слов, а также проблемы усвоения словообразовательной и морфемной структуры терминов и способов их образования (Nurmahova, 2021). А.З. Бисенгали в публикации «Процесс терминообразования в казахском и турецком языках» выявляет основополагающие принципы периодов становления и формирования терминообразования в казахском и турецком языках, с помощью сравнительного анализа языковых фактов автор не сравнивает происходящие языковые процессы в казахском и турецком языках и характеризует особенности и общность процессов новообразований в этих двух языках (Bisengali, 2017). А.Р. Кошекoва в статье «Современные словообразовательные тенденции казахского языка» анализирует современные словообразовательные тенденции в казахском языке и в ходе исследования выделяет гибридные образования, которые были созданы путем сочетания внутренних и внешних лексем (морфем), в результате языковой интеграции (Koshekova, 2020).

Материалы и методы

Основу методологического подхода этой научно-исследовательской работы составляет качественное сочетание теоретических и практических методов исследования. В частности, анализ, синтез, интерпретация, обобщение и абстрагирование были использованы для определения теоретических подходов к объяснению понятий «термины-гибриды», «терминообразование» и «гибридизация». Практические методы исследования, среди которых проблемно-сравнительный и структурный методы, использовались с целью исследования и анализа терминов-гибридов в современном казахском языке. Таким образом, методология этой научной работы построена на применении теоретического анализа, систематического анализа, анализа прогрессивного отечественного и зарубежного опыта и описательных методов.

Представленная научно-исследовательская работа была выполнена в три этапа. На первом этапе исследования была подготовлена его теоретическая база. На этом этапе выполнен анализ важных для этого исследования понятий, таких как «терминообразование», «термин-гибрид» и «гибридизация», проанализированы общие особенности, характеристики, лингвистические особенности и способы словообразования терминов-гибридов в современном казахском языке, проанализированы гибридные образования с иностранным субстратным элементом, а также установлены возможные для них общепризнанные словообразовательные модели. Кроме того, на первом этапе этого исследования были детально изучены и проанализированы взгляды и публикации современных ученых, как отечественных, так и зарубежных, касающихся вопросов терминообразования в казахском языке и в частности, терминов-гибридов.

На втором этапе этой научно-исследовательской работы было выполнено исследование, в ходе которого проанализировано 500 терминов-гибридов, выделены способы словообразования этих терминов, дана детальная характеристика наиболее продуктивным и совсем непродуктивным словообразовательным типам, а также проанализировано особенности употребления терминов-гибридов в различных сферах функционирования казахского языка. Материалы для исследования были взяты из широко распространенных словарей современного казахского языка, среди которых:

1. Казахско-русско-английский словарь лингвистических терминов (Казахско-русско-английский словарь лингвистических терминов, 2012 г.);
2. Казахско-англо-русский дипломатический словарь (Казахско-англо-русский дипломатический словарь, 2013 г.);
3. Казахско-русско-английский словарь по нефти и газу (Казахско-русско-английский словарь по нефти и газу, 2011 г.);

4. Казахско-русско-английский справочный словарь терминов Massmedia и телекоммуникаций (Казахско-русско-английский справочный словарь терминов Massmedia и телекоммуникаций, 2015 г.);

5. Большой казахско-русско-казахский словарь online (<https://sozdik.kz/>).

В этих словарях современного казахского языка исследовались особенности лексикографической репрезентации терминов-гибридов и перенятых сложных слов. Принимая во внимание исходные формы терминов, которые были сформированы на основании иноязычных единиц, были проанализированы принципы их последующего оформления соответственно с нормами современного казахского языка. Следует обозначить, что для исследования были отобраны термины-гибриды, которые активно используются в средствах массовой информации в Республике Казахстан, а также в историко-культурной, общественно-социальной, экономической, политической и других важных сферах, в науке и технике. Особое внимание на втором этапе этой научно-исследовательской работы было уделено словообразовательным типам гибридных терминов, рассмотрению лингвистической природы терминов-гибридов в современном казахском языке, а также выявлению причин, способов и способов появления терминов-гибридов в современном языке.

На третьем этапе этой научно-исследовательской работы, на основании полученных результатов, были сформулированы окончательные выводы научного исследования, являющие собой итоговое отображение данных результатов и определяющие в целом главные подходы к определению понятий «термин-гибрид», «гибридизация», «терминообразование», особенности образования терминов-гибридов в казахском языке, а также характеристику гибридных терминов, которые являются примерами гибкости и лояльности казахского языка в современной системе словообразования.

Результаты

Определено, что современный казахский язык активно пополняется все новыми и новыми словами, терминами и речевыми оборотами, которые образуются не только на основе ресурсов этого языка следуя словообразовательным моделям, но и на основе заимствований. Одним из видов заимствований являются термины-гибриды, которые активно расширяют словарный запас казахского языка. В результате продуктивного использования исконной лексики и заимствований в процессе номинации корпус современного казахского языка пополняется новыми лексическими единицами – терминами-гибридами, которые возникают преимущественно на основе словосложения (Nurmahova, 2021).

Термин-гибрид – это термин, возникший в результате соединения заимствованных и автохтонных элементов, который включает в себя компоненты двух языков. В последнее время количество терминов-гибридов в казахском языке значительно увеличилось в связи с массовой модернизацией в Республике Казахстан. Множество терминов-гибридов можно найти в самых различных сферах на современном этапе развития казахского языка, например, часто можно встретить гибридные термины в сфере киноиндустрии, телевидения, радио, интернет-сайтов и электронных изданий, являющихся главными источниками средств массовой информации. Такое большое развитие количества терминов-гибридов в средствах массовой информации, науке и техники позволяет сделать вывод, что казахский язык обладает удивительной гибкостью и большой подвижностью, изображая очень сложный образ современного мира (Kuzymbaeva, 2018; Kosheikova, 2020; Nurmahova, 2021).

Следует подчеркнуть, что с понятием «термин-гибрид» тесно связаны такие понятия как «терминообразование» и «гибридизация». Терминообразование являет собой структурированный когнитивный процесс, который включает передачу и принятие закодированной с помощью языковых средств информации, при этом значимую роль играют среда и условия его осуществления. Гибридизация – это способ словообразования, при котором наблюдается соединение автохтонных и заимствованных элементов (Kuzymbaeva, 2018; Kosheikova, 2020; Nurmahova, 2021). Исходя из того, что тенденции современного терминообразования, гибридизации и появление достаточно большого количества терминов-гибридов являются важными составляющими современного казахского языка, очень значимым заданием является исследование особенностей гибридных терминов, способов их

образования и употребления, а также причин динамичного увеличения их количества в языке. Поэтому, в контексте этой научно-исследовательской работы было проведено исследование 500 терминов-гибридов, которые были взяты из современных словарей казахского языка. Стоит отметить, что основой для исследования послужили термины из разных областей знаний, в частности науки, культуры, техники, искусства, а также из медиа.

В результате проведенного исследования терминов-гибридов казахского языка было установлено, что продуктами гибридизации в казахской современной терминологии в 90% случаев являются существительные. Исключение составляют лишь те редкие случаи, когда в процессе гибридизации образуются имена прилагательные и глаголы. На взгляд автора, этот факт свидетельствует прежде всего о номинативной функции термина.

Кроме того, в рамках проведенного исследования было определено, что значительный пласт гибридных соединений в современном казахском языке представляют гибриды с заимствованными англо-американизмами (180 единиц), например, антропогендік фактор, прайс лист, компьютерлік жнйе, медиа-холдинг и т.п. Также много терминов-гибридов имеют в своем составе компоненты немецкого, латинского, французского языков (200 единиц), к примеру, автомектеп, автокөлік, автоқызмет, ампер-сағат, радиоарна, нанобөлшек. Будучи представителями интернациональной лексики компоненты с этих языков с легкостью образуют с казахскими словами новые термины, а их терминологическая семантика способствует пониманию смысла нового термина-гибрида.

Соответственно, участие немецкого, латинского и французского фонда в процессах гибридизации современного казахского языка оправдано стремлением к краткости и однозначности понятий. Компоненты из этих языков являются понятными для всех интернационализмов. Интернационализмы являются словами, которые совпадают по своей внешней форме, имеют полностью или частично совпадающий смысл и выражают разнообразные понятия из разных областей, например, техники, науки, культуры, политики, искусства и функционируют в различных, преимущественно, неродственных языках. Таким образом, использование компонентов из немецкого, латинского и французского языков при образовании терминов-гибридов способствует лучшему пониманию этих терминов. Следует обозначить, что англо-американские компоненты в современном казахском языке также приобретают статус интернациональной лексики, в том числе за счет активного использования английским языком латинских и греческих корней, что способствует их отличному пониманию.

Кроме того, выявлено, что достаточно много гибридных терминов в казахском языке (120 единиц) имеют компоненты русского языка: жасыл экономика, кеңесші, рационалдау, типтендірлу, рентабельділік, агрессивтік (Рисунок 1). Также, анализ корпуса терминов-гибридов с немецкими, латинскими, французскими, англо-американскими и русскими компонентами показал, что среди внутренних терминоэлементов встречаются как имена конкретные, так и имена абстрактные.

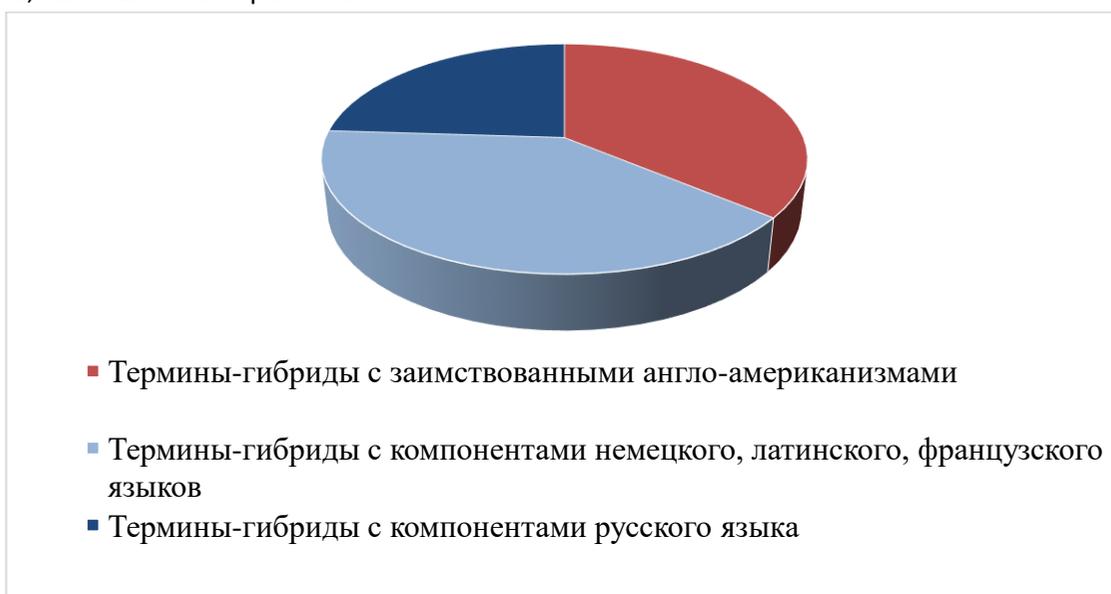

Рисунок 1. Компоненты терминов-гибридов казахского языка

Обобщая термины-гибриды по их составу, получено следующие результаты:

- 1) сложные термины, которые образуются с помощью слияния слов из иностранного (английского, французского, немецкого, латинского) и русского языков: креп-сәтен, телетұлға, этнотоп, агрегатшы;
- 2) составные термины, образованные с помощью слияния слов казахского языка и слов иностранного языка: бейполярлық, жиіліктік-модуляциялық, серпімді-механикалық, серпімді-деформация;
- 3) сложные термины, которые появляются вследствие соединения слов иностранного языка и слов казахского языка: цифрлы-аналогты түрлендіргіш, аэрофототүсірілім, электрқозғалтқыш, атомтәрізді;
- 4) сложные термины, сформированы вследствие соединения слов русского языка и слов иностранного языка: шот-фактура;
- 5) сложные термины, возникшие посредством соединения слов казахского языка и слов русского языка: бірестік, айнаымалы-тоқтық;
- 6) термины, которые возникают с помощью добавления казахских суффиксов к иностранным словам: селфилету, американдану, таргеттеу;
- 7) составные термины, сформированы вследствие слияния слов русского языка и слов казахского языка: микроағза, атаславян, минаіздегіш, славянтану.

Принимая во внимание все вышеприведенные данные и непосредственные результаты проведенного исследования терминов-гибридов, можно с уверенностью констатировать, что эти термины в основном состоят из двух элементов, в частности, «заимствованный элемент + исконный элемент», где заимствованное слово выполняет определяющую функцию. Это, на взгляд автора, можно толковать в первую очередь исходя из того, что прилагательные, которые выражают признаки, не во всех случаях могут справиться со значениями, что являются необходимыми в современном казахском языке. Поэтому, эту роль принимают на себя имена существительные, заимствованные с другого языка, которые становятся первым элементом сложного термина.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что анализ гибридных терминов казахского языка также показал, что самым продуктивным способом образования гибридных терминов является деривация. В связи с этим, среди всех проанализированных терминов-гибридов на первом месте находятся гибридные дериваты (224 единиц). Стоит отметить, что в современном казахском языке с динамично нарастающей частотой встречаются дериваты с различными международными приставками, к примеру, теле-, авто-, гидро-, а также в процессе морфологической и грамматической адаптации иностранного слова часто появляются дериваты, которые образуются по следующим моделям:

- а) префикс + внутренняя лексема: мегажоба, наноқор, супертек, фотоқондырғы, телехикая, киберқарашы, автошеберхана, автошеру, телемұнара;
- б) суффикс + внешняя лексема: наградтау, гидрофобтық, зарядтау, асфальттау, авариялылық, инновациялылық, ортогоналдандыру.

Дополнительно, другим достаточно продуктивным способом образования гибридных терминов в казахском языке на современном этапе является композитное терминообразование (182 единицы). Следует отметить, что главными моделями образования гибридных композитов являются следующие модели:

- а) внешняя лексема + внутренняя лексема: киножоба, агроқұрылым, агросала, агроөнеркәсіп, агросаясат, дендробак;
- б) внутренняя лексема + внешняя лексема: бейнеконференция, бейнеклип, бейнесюжет.

Менее продуктивным способом образования гибридных терминов выступает контаминация, которая не является традиционным способом образования слов в казахском языке, однако вследствие многочисленных языковых контактов, широкого распространения социальных сетей и сети Интернет, значительного влияния иностранных языков появляется все больше и больше контаминантов (90 единиц). Гибридные контаминанты возникают вследствие соединения внутренней и иностранной лексем. К примеру, лексема «тойстаграм» образована от слов «той» и «инстаграм», «айқафон», которое возникло от слов «айкай» и «айфон», лексема

«жаскриминация», которая возникла от слов «жас» и «дискриминация», а также лексема «спонтсмен», что образовалась вследствие соединения слов «спортсмен» и «понт» (Рисунок 2).

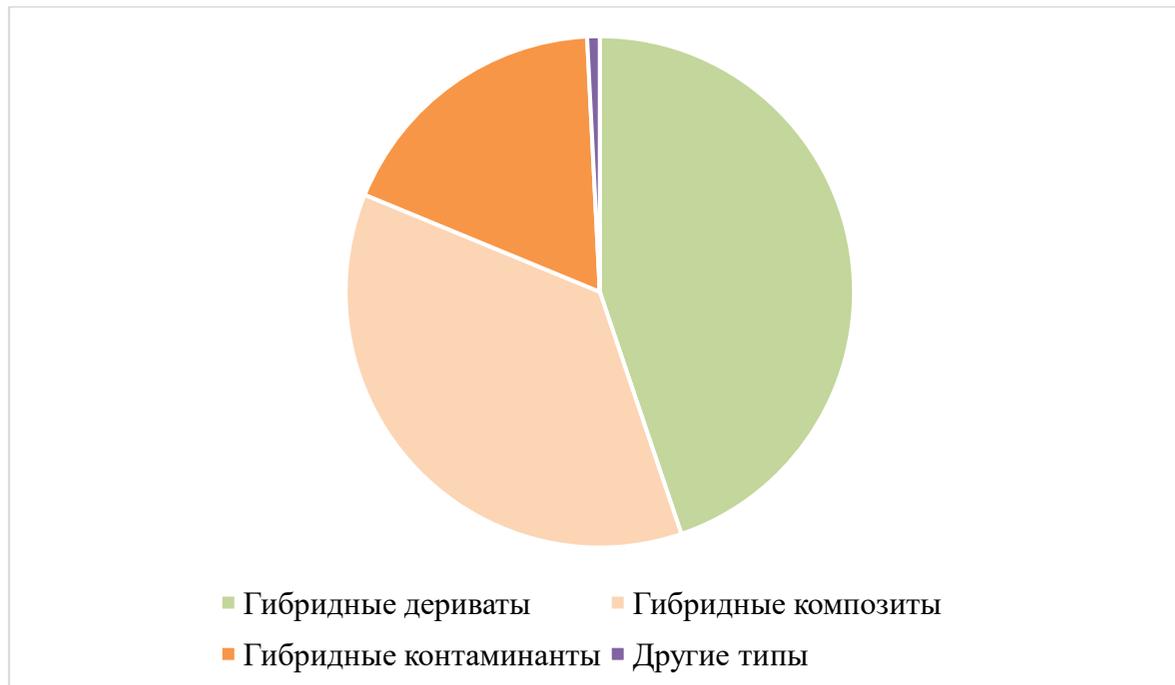

Рисунок 2. Наиболее распространённые типы терминов-гибридов в современном казахском языке, исходя из способа их образования

Важно подчеркнуть, что проанализированные термины-гибриды создавались, на усмотрение автора, в рамках терминологического словообразования, для которого свойственными являются термины-определения. Результаты проведенного исследования подтвердили, что основная часть сложных терминов-гибридов – это определительные дериваты и композиты с подчинительной связью, как продемонстрировано в приведенных выше примерах. Реже встречаются также сложные термины-гибриды, в которых наблюдается сочинительная связь.

Следует признать, что в процессе исследования терминов-гибридов были выявлены и другие способы образования таких терминов, среди которых наиболее распространенными являются транслитерация, транскрипция, калькирование и разные семантические подходы (Nesipbay, 2022).

К примеру, транслитерация является подробной передачей знаков из одного языка в другой. При этой передаче все без исключения знаки, а также их очередность одной речи передаются соответствующими знаками другой речи (Aitbaev, 2014). Примерами терминов-гибридов, образованных способом транслитерации, являются следующие: веб-браузер, пиар, провайдер, интерфейс и др. Транскрипция является символом, который применяется для того, чтобы точно представить звуки в конкретном языке. Транскрипция главным образом используется для того, чтобы точно отразить звуковой строй слова, сосредотачивая внимание лишь на фонетической стороне слова (Aitbaev, 2014). Примерами терминов-гибридов, образованных способом транскрипции являются следующие: брифинг, имидж, саммит. Калькирование представляет собой метод дословного перевода, который передает внутреннее значение фразы или слова (Aitbaev, 2014). Например, термины қолжазба, радиоқондырғы, образованные с помощью этого метода. Важно отметить, что термины, образованные с помощью калькирования, не повторяют фонетических особенностей и грамматического строя иностранного языка.

Таким образом, проведенное исследование показало, что терминообразование в современном казахском языке характеризуется своим разнообразием. Терминообразовательные тенденции современного казахского языка в сфере гибридизации реализуют не только стремление к синтезу, но и стремление к ясности и языковой экономии. В частности, образование терминов-гибридов широко представлено в современном казахском языке и является

очень важным способом пополнения казахской терминологии. Более того, количество терминов-гибридов в казахском языке отражает уникальную способность немецкого языка интегрировать инородные элементы в свою морфологическую систему. Определено, что главными продуктами гибридизации в казахской современной терминологии являются имена существительные, редко прилагательные и глаголы. Этот факт свидетельствует о номинативной функции термина. Также, выявлено, что достаточно большой пласт гибридных соединений в современном казахском языке представляют гибриды с заимствованным англо-американским компонентом. Много терминов имеют в своем составе компоненты русского, немецкого, латинского и французского языков. Если говорить о типах гибридных терминов, то обнаружено, что наиболее часто встречаются гибридные дериваты, на втором месте – гибридные композиты, а на третьем месте – гибридные контаминанты. Также в процессе исследования терминов-гибридов были выявлены еще другие способы образования этих терминов, среди которых наиболее распространенными являются транслитерация, транскрипция, калькирование и разные семантические подходы. Таким образом, важно подчеркнуть, что гибридное терминообразование является современной тенденцией в казахском языке, а термины-гибриды показывают лояльность и гибкость казахского языка.

Обсуждение

На сегодняшний день развитие казахского языка, как и любого другого, происходит одновременно с развитием новых технологий, техники, информатики и научной сферы человеческой деятельности. Взаимодействие языков друг с другом, динамичные процессы глобализации, интеграция экономической, культурной, политической, технической и компьютерной сфер значительно усиливает процесс внедрения иноязычных слов в систему казахского языка. Исходя из этого, активно появляются как названия новых предметов, так и названия новых понятий и чаще всего это касается терминов (Nesipbay, 2022). Основным источником появления терминов является резерв интернациональной лексики, особенно из английского и русского языков, реже из тюркских языков (Kosheikova, 2020). Появление в современном казахском языке терминов-гибридов является результатом одного из самых сложных и неординарных словообразовательных процессов, в котором довольно часто возникшие слова обладают не только свежестью, благозвучием, неожиданностью, юмористическим эффектом, но и такими свойствами как стремление коммуникантов быть краткими, при этом обладая высокой информативностью высказывания (Nesipbay, 2022). Однако, стоит отметить, что на современном этапе множество важных вопросов, касающихся проблемы образования и лингвистических особенностей терминов-гибридов казахского языка, не находят должного рассмотрения и анализа в трудах ученых, что и обуславливает актуальность этого исследования.

В казахском языкознании вопросы терминообразования рассматривают в своих научных трудах такие ученые как О.А. Айтбаев (Айтбаев, 2014), М. Джусупов (Джусупов, 2015), Р.Г. Сейдахметова, Б.С. Каримова (Karimova, 2015), А. А. Акажанова, Ж.Б. Абдулла (Акажанова, 2016), А.Ш. Кабиева, Ж.М. Тулеужанова (Kabieva, 2016), Г.Н. Кузембаева (Kuzembayeva, 2018), Ж.К. Нурмахова (Nurmajova, 2021), А. Абдульманов, Ж. Саматова (Abdul'manov, 2022) и многие другие.

Автор соглашается с Р.Г. Сейдахметовой и Б.С. Каримовой, которые считают, что терминообразование является структурированным когнитивным процессом, который включает передачу и получение закодированной с помощью языковых средств информации, значимую роль при котором играют среда и условия его осуществления. Также эти исследователи справедливо отмечают, что современная казахская лингвистическая терминология является неоднородной по составу и достаточно широкой по своей функциональной ориентации. Она являет собой не лишь ядро профессиональной лексики, которое дает возможность экспертам в области языкознания оперировать информацией и применять ее в профессиональной сфере, но и очень значимую часть национальной языковой картины мира. В то же время, Р.Г. Сейдахметова и Б.С. Каримова убеждены, что социальный заказ выступает немаловажным звеном формирования и жизнедеятельности лингвистической терминологии (Saitahmetova, 2015).

Что касается понятий «гибридизация» и «термины-гибриды», то многие отечественные ученые, среди

которых Г.Н. Кузембаева (Кузембаева, 2018), А.Р. Кошекoва (Koshekova, 2020), Ж.К. Нурмахова (Nurmahova, 2021) считают, что гибридизация является способом словообразования, при котором происходит соединение автохтонных и заимствованных элементов, а термины-гибриды – это возникшие вследствие такого соединения номинации или иными словами, единицы, которые включают в себя компоненты двух языков.

А. Абдульманов и Ж. Саматова, к примеру, пришли к выводу, что в современной казахской терминологии достаточно широко используются традиционные способы образования терминов. Ученые относят к стандартным способам образования терминов синтаксический, морфологический, калькирование, лексико-семантический и т.д. Также А. Абдульманов и Ж. Саматова утверждают, что казахские ученые, которые занимаются проблемами терминообразования, сравнительно с другими учеными мира, положительно рассматривают принцип возвышения и возобновления потенциала лексических единиц среди историзмов, архаизмов, диалектизмов и профессионализмов. Поэтому, в зависимости от использования слова в том или ином контексте может меняться его смысловая окраска и может реализоваться ее внутренний семантический потенциал (Abdul'manov, 2022).

А.Р. Кошекoва высказывает мнение о том, что гибридное словообразование – это настоящий тренд в современных языках, оно, по ее мнению, разделяется на два главных вида: гибридные дериваты и гибридные композиты. Также А.Р. Кошекoва в результате проведенного исследования утверждает, что в современном казахском языке чаще всего встречаются гибридные композиты, контаминанты, а также дериваты (Koshekova, 2020).

Следует отметить, что проблемы словообразования, терминообразования и в том числе гибридизации, интересуют и зарубежных лингвистов, среди которых Э. Хауген (Haugen, 2015), К. Санчес-Стокхаммер (Sanchez-Stockhammer, 2018), А. Августин (Augustyn, 2019), Г. Буйй, М. Хюнинг (Booij, 2019), В. Флейшер, И. Барц (Fleischer, 2019), Дж. Хант (Hunt, 2019). Дж. Шерлинг (Scherling, 2020), В. Пульчини, К. Фуриасси, Ф.Р. Гонсалес (Pulcini, 2020), К. Хацитеодору, В. Каппатос (Chatzitheodorou, 2021), Т.К. Бхатия, В.К. Ричи (Bhatia, 2021), Н.Дж. Питерс (Pieterse, 2021) и многие другие.

Так, одним из первых ученых, которые посвятили свои труды рассмотрению этих проблем, был Э. Хауген. Э. Хауген утверждал, что термины-гибриды являют собой слова, которые образованы частично из родного, а частично из иностранного материала (Хауген, 2015). Известный немецкий лингвист И. Барц видит суть процесса гибридизации в соединении автохтонных и заимствованных элементов согласно с существующими моделями словообразования (Barts, 2019).

Другие зарубежные ученые, в частности, А. Августин (Augustyn, 2019), К. Санчес-Стокхаммер (Sanchez-Stockhammer, 2018), В. Пульчини, К. Фуриасси, Ф.Р. Гонсалес (Pulcini, 2020) считают, что гибридизация – это явление, которое существует во многих культурных областях, не только в том или ином языке. Они определяют гибридизацию как процесс, посредством которого особые и несопоставимые процессы или сущности порождают другой процесс или сущность, то есть гибрид, который разделяет определенные черты с каждым из своих источников. Эти ученые также уверены, что термины-гибриды появляются главным образом на основе словосложения, а в их составе сочетаются экзогенный элемент, то есть заимствованная лексема и эндогенный элемент, то есть лексическая единица национального языка. Кроме того, они занимаются не только исследованием происхождения гибридных терминов, но и изучают ряд других вопросов, которые связаны с тем, как такие термины проникают в другой язык, функционируют в нем и приобретают новые фонетические, грамматические и семантические черты.

Таким образом, анализ научной литературы и разных взглядов отечественных и зарубежных ученых показал, что на современном этапе очень важно исследовать появление новых слов в языке, способы словообразования и терминообразования. Вследствие тесных языковых контактов, глобализации и интеграции одной из особенностей казахского языка сегодня являются многочисленные заимствования и гибридное словообразование. Кроме того, в результате приобретения Республикой Казахстан независимости и поэтапной интеграции в мировое сообщество, а также в культурную, политическую, экономическую и образовательную сферы, казахский язык стал активным потребителем иностранной лексики. Все это требует детального рассмотрения и анализа казахскими лингвистами.

Проведенное исследование терминов-гибридов казахского языка в рамках этой научно-исследовательской работы еще раз подтверждает взгляды отечественных ученых на терминообразование в современном казахском языке и существование множества терминов-гибридов не лишь в языке науки, но и в средствах массовой информации, газетах, рекламных текстах, художественной литературе, официально-деловом языке и т.д. Также это исследование согласуется с трудами зарубежных ученых, которые основательно подходят к рассмотрению особенностей словообразования и терминообразования в современных мировых языках и утверждают, что изучение вопросов какой-либо национальной терминологии требует необходимости ее рассмотрения во взаимосвязи с совокупными тенденциями развития терминологии в языках мира, но с учетом особенностей собственно национального терминообразования.

Выводы

Проведенное научное исследование особенностей терминов-гибридов современного казахского языка, дает основания для формулирования следующих выводов.

Терминообразование – это структурированный когнитивный процесс, что включает передачу и получение закодированной с помощью языковых средств информации, при этом значимую роль играют среда и условия его осуществления.

Термин-гибрид является словом, которое возникло в результате соединения заимствованных и автохтонных элементов и вмещает элементы двух языков – иностранного и национального.

Гибридизация является собой способ словообразования, при котором происходит соединение автохтонных и заимствованных элементов.

Проведенное в контексте этой научно-исследовательской работы исследование терминов-гибридов современного казахского языка показало, что терминообразование в казахском языке на современном этапе отличается динамичностью и разнообразием. Основными продуктами гибридизации в казахской современной терминологии являются имена существительные, редко прилагательные и глаголы. Большой пласт гибридных соединений в современном казахском языке представляют гибриды с заимствованным англо-американским компонентом, а также большое количество гибридных терминов имеют в своем составе компоненты русского, немецкого, латинского и французского языков. Что касается типов терминов-гибридов, то наиболее распространенными являются такие типы терминов-гибридов, как гибридные дериваты, гибридные композиты, а также гибридные контаминанты.

Результаты, полученные в ходе этого научного исследования, а также сформулированные на их основе выводы, могут быть в дальнейшем применены как эффективная научная база для изучения лингвистических особенностей гибридных терминов в казахском языке. Кроме того, материалы этой статьи могут стать качественной базой для дальнейшего основательного анализа терминов-гибридов современного казахского языка и могут быть использованы в качестве методической помощи в процессе анализа гибридных терминов, их особенностей, образования и функционирования. Перспективой этого исследования является, прежде всего, расширение диапазона анализируемых терминов-гибридов, а также выявление их специфических особенностей и составление словаря гибридных терминов казахского языка.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Yazar Katkıları: [Akzhibek AKHMET (AA), Sherubay KURMANBAIÜLY (SK), Saniya NURGALİYEVA (SN):] Fikir-SN; Tasarım-SK; Denetleme-SN; Kaynaklar-AA, SN; Veri Toplanması ve/veya İşlemesi - AA, SK; Analiz ve/veya Yorum-AA; Literatür Taraması-AA, SN; Yazıyı Yazan-AA; Eleştirel İnceleme-SN,SK.

Çıkar Çatışması: Yazarlar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazarlar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Author Contributions: [Akzhibek AKHMET (AA), Sherubay KURMANBAIÜLY (SK), Saniya NURGALİYEVA (SN):] Concept -SN; Design-SK; Supervision-SN; Resources-AA; Data Collection and/or Processing-AA, SK; Analysis and/or Interpretation-AA; Literature Search-AA, SN; Writing Manuscript-AA; Critical Review-SN, SK.

Conflict of Interest: The authors have no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The authors declared that this study has received no financial support.

Ссылки/ References

Abdul'manov, A., & Samatova, Zh. (2022). Osobennosti razvitiya kazahskoy terminologii. *Rodnye yazyki i kultury v sovremennom izmenyayushchemsya mire*, 1(1), 19-24.

Aitbaev, O. A. (2014). *Osnovy kazahskoy terminologii*. Almaty: Abzal-ay.

Akazhanova, A. A., & Abdulla, Zh. B. (2016). Kazahskaya terminologiya: istoricheskiy ekskurs. *Fundamental'nye nauchnye issledovaniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty*, 1, 41-43.

Augustyn, P. (2019). The seductive aesthetics of globalization: Semiotic implications of anglicisms in German. *Globalization and the future of German: With a select bibliography*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.

Bhatia, T. K., & Ritchie, W. C. (2021). Social and psychological factors in language mixing. In *The handbook of bilingualism*. Malden, USA: Blackwell Publishing Ltd.

Bisengali, A. Z. (2017). Process terminoobrazovaniya v kazahskom i turetskom yazykah. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 6, 96-99.

Bol'shoy kazahsko-russko-kazahskiy slovar' online (okolo 100 tysyach slov). <https://sozdik.kz/>

Booij, G., & Hüning, M. (2019). Affixoids and constructional idioms. In *Extending the scope of construction-based grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Chatzitheodorou, K., & Kappatos, V. (2021). Hybrid extraction of multi-word terms: An application on vibration-based condition monitoring technique. *Mathematical Models in Engineering*, 7(1), 1-9.

Dzhusupov, M. (2015). Novozaymstvovaniya "kseroks", "kserokopiya", "kserografiya" v slovaryah kazahskogo i uzbekskogo yazykov: raznoe v odinakovom i odinakoe v raznom. *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2, 80-89.

Fleischer, W., & Barz, I. (2019). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.

Hunt, J. (2019). Lexical hybridization of English and German elements: A comparison between spoken German and the language of the German newsmagazine Der Spiegel. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 136(2), 107-

120.

Kabieva, A. Sh., & Tuleuzhanova, Zh. M. (2016). Kazhskaya terminologiya: sposoby obrazovaniya. *Fundamental'nye nauchnye issledovaniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty*, 1, 58-60.

Kazhsko-anglo-russkiy diplomaticheskiy slovar'. (2013). Astana: RK MID.

Kazhsko-russko-angliyskiy slovar' lingvisticheskikh terminov. (2012). Almaty: Evero.

Kazhsko-russko-angliyskiy slovar' po nefi i gazu. (2011). Shymkent: Kitap.

Kazhsko-russko-angliyskiy spravochnyy slovar' terminov massmedia i telekommunikatsiy. (2015). Almaty: Qazaq entsiklopediiasy.

Khaugen, E. (2015). Yazykovoy kontakt. *Novoe v lingvistike*, 6, 55-58.

Koshekova, A. R. (2020). Sovremennyye slovoobrazovatel'nye tendentsii kazhskogo yazyka. <http://rmebrk.kz/journals/4215/53638.pdf#page=89>

Kuzembaeva, G. N. (2018). Problemy zaimstvovannykh slov v kazhskom yazyke. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, 4(53), 151-154.

Nesipbay, A. Sh. (2022). Linguistic features of hybrid terms in modern Kazakh language. *Izvestiya. Seriya: Filologicheskie nauki*, 65(2), 2-10.

Nurmakhova, Zh. K. (2021). Voprosy terminoobrazovaniya. *Global Science and Innovations: Central Asia*, 3(9), 71-76.

Pieterse, N. J. (2021). Hybridity, so what? The anti-hybridity backlash and the riddles of recognition. *Theory, Culture, Society*, 18(2-3), 219-245.

Pulcini, V., Furiassi, C., & González, F. R. (2020). The lexical influence of English on European languages: From words to phraseology. In *The anglicization of European lexis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Sanchez-Stockhammer, C. (2018). *Hybridization in language*. Heidelberg: Springer-Verlag.

Scherling, J. (2020). Holistic loanword integration and loanword acceptance: A comparative study of anglicisms in German and Japanese. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 38, 37-51.

Seidahmetova, R. G., & Karimova, B. S. (2015). Spetsifika terminologicheskoy nominatsii v kazhskoy lingvisticheskoy terminologii. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, 128(4-5), 405-410.

Zhussupov, A. E., & Baymagambetova, K. N. (2016). Osnovnye printsipy kazhskogo terminoobrazovaniya. *Fundamental'nye nauchnye issledovaniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty*, 1, 46-48.

Советизмы и Лозунги Советской Действительности: Семантика Позитива (Психотерапевтический Аспект)

Sovyetler ve Sovyet Gerçekliğinin Sloganları: Pozitivitenin Semantiği (Psikoterapötik Yönü)

Sovietisms and the Slogans of Soviet Reality: The Semantics of Positivity (Psychotherapeutic Aspect)

Valery BELYAYIN

Southern Federal University,
Department of Psychology, Toronto,
Canada

(Sorumlu Yazar-Corresponding
Author)

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Valery BELYAYIN

E-mail: boiko.olga@onu.edu.ua

Geliş Tarihi/Received 03.06.2024

Kabul Tarihi/Accepted 11.07.2024

Yayın Tarihi/
Publication Date 01.09.2024

Cite this article

Belyayin, V. (2024). Sovietisms And the Slogans Of Soviet Reality: The Semantics Of Positivity (Psychotherapeutic Aspect) *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 26-36.

Цитировать эту статью

Belyayin, V. (2024). Советизмы и Лозунги Советской Действительности: Семантика Позитива (Психотерапевтический Аспект) *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 26-36.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые идеологические и социально политические аспекты политических лозунгов эпохи СССР. Целью исследования является описание роли советизмов и советских текстов в построении идеологии, в моделировании действительности, и в формировании позитивного психологического состояния граждан. Используются следующие методы: компонентный анализ, когнитивный анализ, психологический и литературоведческий. Новизна исследования состоит в комплексном анализе лозунгов, бытовавших в советской действительности. В качестве вывода предлагается расценивать часть лозунгов советской действительности как отражающих мироощущение гиперманиакальности (повышенного настроения и одновременной гневливости).

Ключевые слова: Советизмы, культура, тональность, идеология, когнитивная психология.

Öz

Bu makale, SSCB dönemindeki siyasi sloganların bazı ideolojik ve sosyo-politik yönlerini ele almaktadır. Çalışmanın amacı, Sovyetizm ve Sovyet metinlerinin ideolojinin inşasında, gerçekliğin modellenmesinde ve vatandaşların olumlu psikolojik durumunun oluşumundaki rolünü tanımlamaktır. Şu yöntemler kullanılmıştır: bileşen analizi, bilişsel analiz, psikolojik ve edebi çalışmalar. Araştırmayın yeniliği, Sovyet gerçekliğinde kullanılan sloganların karmaşık analizinden oluşmaktadır. Sonuç olarak, Sovyet gerçekliğinin bazı sloganlarının hipermanyak (yüksek ruh hali ve eşzamanlı öfke) dünya görüşünü yansıttığı düşünülmektedir.

Anahtar kelimeler: Sovyetizm, kültür, ton, ideoloji, bilişsel psikoloji.

Abstract.

The article deals with some ideological and socio-political aspects of political slogans of the USSR era. The goal of the article is to analyse the role of Sovietisms and Soviet slogans in the creation of ideology, in modelling of the reality, and in the creation of positive psychological mental state of the Soviet people. The following methods were used: component analysis, cognitive analysis, psychological, and literary analysis. The novelty of the research consists in the complex analysis of slogans used in the Soviet reality. As a conclusion it is suggested to consider some slogans of the Soviet era as the reflecting the worldview of a person with mania as a state of excitement and overactivity accompanied by overoptimism and grandiosity.

Keywords: Sovietisms, culture, tonality, ideology, cognitive psychology, psychotherapy.

Введение

В марксистско-ленинском языкознании был принят постулат о том, что «мышление материализуется в языке, в звуках, через которые оно дано другими людям в ощущении, что непосредственной действительностью мысли является язык» (Serebrennikov, 1970). При этом нередко утверждалось, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они – только проявления действительной жизни» [Маркс, Энгельс 1846: 449]. Однако, уже в советскую эпоху писалось, что «утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении» (Serebrennikov 1988), т.к. «с одной стороны, язык связан с действительностью через знаковую соотнесённость и не просто отражает действительность, а отображает её знаковым способом. ... С другой стороны, в любом отражении всегда присутствует известная доля субъективного» (Serebrennikov 1988).

Идеология – это система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы того или иного (и прежде всего, господствующего) субъекта политики. Идеология может рассматриваться не просто как «представление о мире», а даже как «представление вымышленного отношения индивидуумов к своим реальным условиям существования (Imaginary Relationship of Individuals to their Real Conditions of Existence)» (Althusser 1971). В таком понимании «идеология отражает не реальный мир, а отношения между людьми и их реальностью» (Larrain, 1979). Идеология, будучи логически последовательной, властвует над познавательной способностью, способна руководить оценочными суждениями и служит инструкцией к действиям. Тем самым, политические идеологии могут быть моделирующими и даже манипулятивными (Deik, 1989). Не случайно Советский энциклопедический словарь трактовал язык как «средство человеческого общения, средство передачи и хранения информации и (что для нас особенно важно – В.Б.) как средство управления человеческим поведением» [СЭС 1980: 1587].

Применение семиотического подхода к идеологии и основано на том, что «идеология существует, только воплощаясь в языковые, знаковые формы, <и на том>, что язык как социальный посредник оказывается сгустком идеологии» (Bursevič, 2015).

Когнитивные категории Советизмов

Существует большое количество работ по языку советской эпохи. Тут лишь назовём в алфавитном порядке имена некоторых исследователей, обращавшихся к этой проблеме: Х.Г. Вальтер, Г.О. Винокур, М. Геллер, С.И. Карцевский, И.А. Купина, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Т. М. Николаева, Ж. Росси, А.М. Селищев, С.Д. Серебряный, Б. Сарнов, А. Селищев, М.А. Хевеши, П. Червинский, Г.М. Яворська (Belyayin, 2021).

Мы не будем рассматривать язык советской действительности как объект языковой рефлексии, поскольку понятно, что «оценочный вектор высказываний относительно «советского языка» варьируется от резко негативных до положительных. <причём>, характер коннотации обусловлен отношением пишущих к реалиям советского периода: неприятие происходивших социальных, политических и других процессов или ностальгия по прошлому, связанному с кажущейся идеальностью жизни в то время и под.» (Basalayeva & Şilman, 2019).

Отнесём к советизмам слова и словосочетания «революционно-советского происхождения», а также идеологически нагруженную лексику, бытовавшую в СССР с 1917 по 1991 год.

Рассматривая язык советской эпохи, П. Червинский выделяет русский язык советского времени (советской эпохи); язык пропаганды и официоза (советский язык-новояз) и язык советской действительности. При этом он полагает, что «советская действительность ... воплотила и отразила себя исключительно в текстах и языке» (Çervinski, 2012). Как мы поняли, исследователь тут говорит не об «объективно данной реальности человеческой жизни и социального бытия» и даже не о «субъективно желательном, воображаемом, идейно заряженном и/или пропагандистски навязываемом представлении», а о той действительности, которая существовала в её собственно советской действительности, и исключительно в советском языке» (Çervinski, 2012).

Все исследователи отмечают, что советизмы не представляют собой однородной группы слов, они различаются в

морфологическом, в стилистическом плане, в плане референции и прагматики.

В работе Н.А. Купиной (Kurina, 2015) советизмы размещены по следующим осям: пространство (капиталистическая страна, окружённый), время (пятилетка, расцвет), события и факты (ликвидировать, твердыня), точка зрения (стратегия, светлый, уклон), субъектная организация (стремиться, несознательный, перерожденец).

В словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (Mokiyenko & Nikita, 1998) советизмы делятся на семантические (пионер, вожак, болтун), лексико-словообразовательные (аулсовет, верблюдосовхоз) и стилистические (гениальный вождь и учитель, Отец народов, Кремлёвский горец). Авторы также выделяют антропонимы (Марлен, Даздраперма), ономастиконы (завод «Красный Октябрь») и эвфемизмы (ограниченный контингент). Важным аспектом описания любых историзмов в словаре являются лексикографические пометы для стилистической характеристики слов, поскольку с эпохой уходит понимание того, как то или иное слово, значение которого утрачено, соотносится с другими «похожими» словами. Поэтому авторы вводят стилевые пометы для советизмов, выделяя назидательное (Пионер – всем ребятам пример), порицательное (поджигатель войны, расхититель), осудительное (вещепоклонство, пережитки прошлого).

П. Червинский предлагает, сложный для понимания категориальный анализ советизмов (Çervinski, 2012). В частности, он выделяет в семантике советского позитива 'наделённость' (богатырь, боец, хозяин, верный, преданный), 'отмеченность' (ворошиловец, заслуженный), «принадлежность» (партиец, активист, каждый), 'нужность' (дозорный, милиционер, новатор), 'причастность' (стахановец, чапаевец), 'действие' (страж, созидатель), 'организуемость' (юные друзья милиции). Это очень тонкая нюансировка, но автор подробно описывает критерии классификации, поэтому мы отошли просто к его работе, не вдаваясь в мотивировку.

Итак, П. Червинский предлагает рассматривать советизмы в трёх измерениях – как лексемы языка советского времени, как лексемы языка пропаганды и как лексемы языка советской действительности (Çervinski, 2012). Нас в данной статье в большей степени привлекает именно последний аспект, который связан с тем, что с помощью языка «создавался желаемый образ действительности, языком в ней воспитывался необходимый советскому обществу человек, сам язык, пропитанный идеологией и так же преобразованный ... формировался ... под действием создаваемой действительности и воспитуемого в ней человека» (Çervinski, 2012).

Одной из самых важных функций советизмов является то, что они создают «свою реальность», в которой много компонентов, но как минимум три:

- 'я свой' – положительная самопрезентация;
- 'свои ценности' – когнитивные предпочтения;
- 'враги' – разрушители «наших» ценностей.

Противопоставление людей и идей с помощью слов-номинаций по признаку 'свой' / 'чужой' в идеологическом языке соответствует делению на 'хороший' / 'плохой'. И.А. Стернин определяет групповую идентификацию или самоидентификацию как «решение человека, к какой группе отнести себя, в какую клеточку себя поместить в своём собственном сознании» (Sterin, 2001). Те же, кто взял на себя функцию представителей идеологии, берут на себя и функцию отнесения объектов, процессов и людей к той или иной категории на основании критериев, которые они могут применять на своё усмотрение.

Категориальный анализ советизмов показал, что они могут быть разбиты на более мелкие группы по разным основаниям. Одно из оснований – пространственное – 'внутреннее' или 'внешнее'. 'Внутренним' мы предлагаем считать отношение к самой идеологии внутри неё (присущее собственно самой идеологии), а 'внешним' – то, что находится вовне, что предполагает как правило негативное отношение к нему как к чужому (по отношению к 'внутреннему'). Во 'внутренней' и во 'внешней' группах можно выявить тональность элементов – 'хороший', 'нейтральный', 'плохой'. Соответственно, в категории 'внутреннее' и 'внешнее' мы выделили следующие группы: 'внутренний хороший', 'внутренний нейтральный', 'внутренний плохой' и 'внешний хороший', 'внешний нейтральный' и 'внешний плохой'.

К группе 'внутренний хороший' можно отнести единицы советский, вождь всех времён и народов. К элементам

категории 'внутренний нейтральный' можно отнести единицы типа жилплощадь, Верховный Совет СССР, военный коммунизм. К группе 'внутренний плохой' можно отнести такие единицы, как классово-чуждый элемент, перерожденец, подписант, безыдейность.

Что касается группы 'внешний хороший', то туда можно отнести такие единицы, как Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи, Профинтерн. 'Внешний нейтральный' – это, например, идейная борьба. С одной стороны, явление, описываемое этим словосочетанием, обозначает нечто негативное, с другой стороны, оно неизбежно с точки зрения советской идеологии, поэтому можно считать его условно нейтральным. 'Внешний плохой' – это капиталистическое окружение, карибский кризис, кибернетика, лживая пропаганда, агенты империализма.

Лозунги Советской Действительности

Говоря о лозунгах в Советской России (1918–1943 гг.), исследователи (Jacobson & Passvell, 2007) выделяют шесть категорий лозунгов:

- I. Описание: 1 Мая – праздник трудящихся
- II. Одобрение: Да здравствует коммунистическая партия России
- III. Обвинение: Долой армии империализма!
- IV. Призыв: Внимательно следите за заговорами наших врагов
- V. Адресация: Рабочие, крестьяне, красноармейцы...
- VI. Самоидентификация: Коммунистическая партия России – партия рабочего класса, партия Ленина

Понятно, что некоторые лозунги могут иметь несколько измерений, так, лозунг Долой армии империализма!, будучи, по мнению авторов обвинением, одновременно является и призывом (где междометие долой выражает требование быстрого, решительного удаления или устранения кого-либо, чего-либо).

Говоря о тональности, скажем, что в советской действительности существовало много лозунгов, которые имели негативный или по крайней мере активный противодействующий характер, например, Если враг не сдаётся, его уничтожают.

Вместе с тем, в советской действительности было много позитивных лозунгов в форме предикативных конструкций с положительной коннотацией.

П. Червинский, рассматривая язык советской действительности, особое внимание уделяет тому, «что представлялось источником как положительное для человека и в человеке. Как образ для подражания, ... пусть реально и не достигаемый, но желательный ... образ ... советского позитива – положительных качеств того, что должно быть и как должно быть в советском желательном человеке» (Çervinski, 2021). Говоря о такой парадигмосистеме, он рассматривает «советски ориентированные выборы, оценки и предпочтения», которые описывают «должным образом формируемого, по желательным признакам, человека» (Çervinski, 2021).

В лозунгах, призывах и в плакатах советской действительности разных лет это проявляется очень наглядно. С одной стороны, говоря о всех предвыборных кампаниях в разных культурах, можно сказать, что они должны «строиться преимущественно на позитиве» (Kiselov, 2002). Кроме того, «синтаксические конструкции слоганов стремятся к максимальной краткости, ритмичности, безыскусности, шаблону» (Kiselov, 2002). Иными словами, лозунги советской действительности не являются исключением из общего правила, вместе с тем в них есть своя специфика.

Ниже мы представим свою предварительную группировку лозунгов-слоганов советской действительности с опорой на свои знания психотерапии как набора клинических методов и интерперсональных установок, применяемых с целью помочь людям модифицировать их паттерны поведения, когниции, эмоции и/или другие личностные характеристики в том направлении, которое участники считают желательным.

Наделение свойством, постулирование общего порядка

Рассмотрим такие лозунги:

Жить стало лучше, жить стало веселее (1935)

Трезвость – норма жизни (1985)

Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и героизма (1930)

Наша воля, наш труд – вот реальность великого плана (1946)

В единстве – сила, победа – в борьбе (1980)

Мы за мир (1979)

Миру – мир! (1951)

В этих лозунгах утверждается, что советские люди выступают за мир, обладают волей, трудятся, живут лучше и веселее, имеют общую для всех цель. Подобные лозунги напоминают аффирмации, которые используются в когнитивно-поведенческой терапии, когда психолог предлагает клиенту краткую фразу, содержащую вербальную формулу, которая при многократном повторении закрепляет требуемый образ или установку в подсознании человека, способствуя улучшению его психоэмоционального фона, и тем самым стимулируя положительные перемены в жизни. Обычно аффирмации вырабатываются на сессии совместно с клиентом так, чтобы они были ему понятны и, соответствуя запросу, отвечали его будущим потребностям. Отличие психологического консультирования от политики заключается в том, что консультирование проводится по запросу клиента и обращено к отдельному индивиду, который испытывает временные трудности в жизни. В лозунгах же советской действительности народ рассматривался как единый объект манипуляции, мнения которого никто не спрашивал.

Наделение свойством для будущего общего порядка

В других лозунгах устанавливается свойство общего порядка для будущего. Когда в психологическом консультировании клиенту предлагается аффирмация, то она может не соответствовать актуальному состоянию клиента, а может быть моделированием будущего (образа клиента). Клиенту объясняется, что это некоторого рода обман, на который, однако, мозг может поддаваться, если это не очень большой обман. Например, если говорить «Я самоуверенный и сильный», то это может быть отвергнуто сознанием, поэтому лучше «программировать» себя чуть мягче:

Мне уже лучше и легче

Я уже становлюсь спокойнее и мягче

Мне уже проще общаться с людьми

В советской действительности такого мягкого подхода не было, постулирование шло напрямую:

Наша цель – коммунизм (1964)

Экономика должна быть экономной (1981)

Обратим также внимание на то, что во многих советских лозунгах присутствуют слова со значением семантической безысключительности (весь, всегда, каждый):

Весь мир будет наш! (1931)

Коммунизм – это светлое будущее всего человечества (1961)

Наделение свойством субъекта

Близки к предыдущим такие лозунги, где субъект наделяется некоторым свойством:

Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи

Ленин – живее всех живых

Профсоюзы – школа коммунизма (1920)

Русский народ – старший брат (1938)

Как невесту родину мы любим, бережем как ласковую мать! (Из «Песни о Родине», 1939)

Нет на свете выше звания, чем рабочий человек (1962)

Товарищ, твой завод - твоя гордость! (1919)

Я часовой. Поставлен народом на страже мира, родины моей! (1952)

В этих лозунгах есть субъект (а не очень абстрактная жизнь или труд), есть группы (партия, народ) и есть обобщённый субъект (рабочий человек, товарищ) и даже более конкретный часовой, который поставлен на пост и наделяется работой, которая оценивается как нужная обобщённому народу. Интересно, что последний плакат как бы написан от лица часового, но на самом деле, ему предписано «партией и правительством» то, что он объявляет как якобы добровольно взятое на себя обязательство. . Всем им предписывалось определённое положительное свойство, которым они должны обладать в соответствии с идеологическими установками советской действительности.

Как пишет П. Червинский, «Роль субъекта-лица (советского человека) состоит в согласуемо-направляемом участии в процессе создания необходимого представления действительности. Советские люди, ... занятые мирным созидательным трудом, создавали этим трудом, приближали свое и всего человечества светлое будущее» (Çervinski, 2021).

Наделение свойством субъекта для будущего общего порядка

Близки предыдущим лозунги, устремлённые в будущее. Они как бы предполагают, что будущее предопределено и должно обладать теми свойствами, которые у неё есть сейчас и будут в будущем. Например, коммунизм побеждает и победит непременно. Ленин, точнее его дело, жило раньше, живёт сейчас и будет жить вечно.

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить.

Партия торжественно провозглашает: Современное поколение советских людей будет жить при коммунизме (1959)

Дело Ленина-Сталина непобедимо. (1949)

Победа коммунизма неизбежна (1967)

Обращает на себя внимание использование будущего времени (Ленин будет жить, люди будут жить), а также наречий непобедимо и неизбежна как форма наделения будущего предопределённостью, которую невозможно избежать.

Во всех этих лозунгах можно увидеть устремлённость в будущее, дальние горизонты бессмертия. Характерно, что в советских философских словарях не было концепта смерть.

Наделение

Централизация товаров в руках государства и централизованное их распределение в СССР предполагало, что и всё остальное (культура, силы, способности людей) тоже может быть как бы справедливо распределено между членами общества.

Искусство принадлежит народу (1920-)

От каждого – по способностям, каждому по потребностям (1851-)

Всё для фронта! Всё для победы! (1941)

Всё лучшее – детям (1917-)

Обратим внимание на использование местоимения каждый, указывающее на фиктивную индивидуализацию массового потребителя, направленную скорее на то, чтобы "каждый" почувствовал себя частью "всех". Частотно в лозунгах и использование местоимения всё, которое в лозунге Всё лучшее детям обобщает материальные и духовные блага, направленные или детям, что создавало своего рода ощущение магии – если написать на плакате, что всё лучшее (без уточнения что именно) должно быть отдано детям, то так оно и будет.

Объединение

Важным для идеологии является идея общности, где практически нет места отдельному индивиду, а есть только группы людей, объединённых по принципу идейности.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! (1920)

Народ и партия едины (1953)

Планы партии — планы народа (1959)

Как отмечают исследователи, советский человек выступает как пример массового человека со всеми присущими ему чертами, включая и сознание. [Мусорина, Сорокина 2014: 26]. Когда в психотерапии клиент использует слова многие <люди>, никто, все, то задача психотерапевта уточнить, что имеет в виду клиент и повернуть разговор к клиенту как к субъекту его собственной жизни. В советской действительности было важно объединить население без учёта индивидуальных особенностей.

Одобрение—прославление конкретное

В советской действительности личность прославлялась только тогда, когда она входила в определённую группу, которая представлялась власти полезной.

Слава советским женщинам – активным строителям коммунизма! (1950)

Да здравствует могучий советский народ! (И. Сталин, 1944)

Да здравствует наша Великая Родина! (И. Сталин, 1944)

Слава советской науке и технике! (1959)

Исключением разве что является отдельная личность «лидера нации».

Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство! (1936).

В последнем лозунге обращает на себя внимание определение наше в применении к объекту детство. Совершенно очевидно, что детство не может быть одинаковым (тем более счастливым) у разных детей, от лица которых и написан плакат.

Одобрение—прославление образное

Не следует недооценивать образный компонент советских идеологических лозунгов, которые могли быть эмоциональными:

Погляди: поет и пляшет вся советская страна! Нет тебя светлей и краше наша красная весна (1946)

Мир! Труд! Май! (1973)

Тут явно слышны отголоски не только «идеологического максимализма», но и романтизма (Куркина, 2015).

Призыв к действию общего порядка

Советизмы предполагают наделённость, которая проявляется в направленности и выражается в наличии таких качеств, как «интенсивность, решительность, сила напора, напор проявления, давления вовне, от себя, упорство, настойчивость, наступательность, боевитость, способность действовать до конца» (Červinski, 2021). Для этого создавались лозунги, призывавшие к действиям общего порядка:

Догнать и перегнать (1917, 1949, 1957)

Вперёд к победе коммунизма! (1956)

Коммунизм – это молодость мира и его возводить молодым. (1959)

Мы поднимаем знамя, товарищи, – сюда! Идите строить с нами республику труда! (1986)

В борьбе за новую пятилетку свято хранить и множить трудовую славу! (1953)

Призыв к подчинению

Призывы общего порядка подкреплялись лозунгами, призывающими к подчинению.

Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!». На поля, на стройки. (1963)

Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи! (Н.С. Хрущёв 1962).

Призыв к конкретному действию

Подчинение должно было быть как общего порядка, так и в отношении конкретных действий или деятельности в целом (учиться, знать)

Во-первых, учиться, во-вторых, учиться, в-третьих учиться ... коммунизму (1924)

Чтобы строить – надо знать, чтобы знать – надо учиться (1958)

Полевые работы не ждут! (1954)

Призыв-запрет

Дисциплина основана также на запретах. Они большей степенью были недеklarированными, непрописанными, общими и могли быть применены очень «гибко». Но часть из них была вполне конкретна и определена:

Строго храни государственную и военную тайну! (1952)

Работник милиции! Будь бдителен! (1953)

Добросовестный труд на благо общества. Кто не работает, тот не ест! (1961)

Песни и стихи

Отдельно следует говорить о книгах, песнях и кинофильмах советской действительности. Приведём тексты лишь некоторых песен, очень кратко затронув эту область культуры и идеологии.

Призыв к объединению

Песня «Если бы парни всей земли» [Долматовский 1957), которая стала гимном Фестиваля Молодежи 1957 года в Москве, начинается так:

Если бы парни всей земли // Вместе собраться однажды могли,

Вот было б весело в компании такой // И до грядущего подать рукой.

В этой песне есть и объединение, есть и будущее, есть и экзальтация.

Прославление родины

«Патриотизм – это сложный комплекс чувств и эмоций»,– пишет В.А. Тишков (Tişkov, 2020), при этом под гражданским патриотизмом он понимает «чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной». Патриотизм – «есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях». И далее он пишет, что «патриотизм ... имеет исключительно позитивный спектр сопричастности» [там же].

Широка страна моя родная // Много в ней лесов, полей и рек!

Я другой такой страны не знаю, // Где так вольно дышит человек.

В этой «Песне о Родине» 1939 года отражается «Любовь к своей стране, служение её высоким идеалам за годы Советской власти <которые> стали основой характера её сыновей и дочерей» (Dolmatocsky, 1973).

Построение далёкого мира

Для советской идеологии была характерна устремлённость в будущее. Настоящее было трудным (война, разруха, голод, коммунальные квартиры, многочасовые очереди, дефицит «товаров народного потребления»), а светлое будущее всегда было на горизонте как путеводная звезда.

Мы наш, мы новый мир построим ... (1871)

Речь даже могла идти о далёких мирах

И на Марсе будут яблони цвести [Долматовский, 1963]

Неспроста была разрешена в конце 1950-х гг. научная фантастика, которая всё же подвергалась и в 1930-х и в 1960 гг. политической цензуре.

Призыв к действию

Удивительно психотерапевтичными являются слова песни из кинофильма «Дети капитана Гранта» по роману Жюль Верна (1868) [Лебедев-Кумач 1936а]:

Кто привык за победу бороться,

С нами вместе пускай запоет:

Кто весел – тот смеётся,

Кто хочет – тот добьётся,

Кто ищет – тот всегда найдёт!

В психологии искусства есть работы, где проводятся не прямые параллели между тем, что отражено в художественном тексте и некоторыми аспектами психиатрической практики. Так, рассказ А.П. Чехова «Палата номер 6» может быть иллюстрацией к обсуждению темы этики в психиатрии, а рассказ Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» может быть иллюстрацией к пониманию психоза и мании (Tischler 2010). Говоря о «Песенке Роберта», отметим, что по нашим наблюдениям все многочисленные произведения Ж. Верна можно отнести к «весёлым» текстам, эмоционально-смысловая доминанта которых восходит к гипертимичности как постоянно повышенному настроению и оптимистическому взгляду на мир (Belyayin, 1996).

Заключение

Как писал Б. Сарнов, «в стране повального страха, чудовищного, тотального террора <были> все эти ликующие, до краев наполненные радостью и счастьем слова и мелодии («Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...», «Только в нашей стране дети брови не хмурят, только в нашей стране песни радуют слух...» и т.п.) <и они > не звучали тогда фальшиво. Ведь помимо смысла, помимо «текста слов», было в этих любимых наших песнях ещё и что-то другое, заставлявшее вздрагивать наши сердца. Мелодия? Да Но и не только мелодия. Что-то ещё, неуловимое, трудноопределимое. Быть может, воздух того времени ...» (Sarnov, 2002).

В когнитивно-поведенческой терапии есть понятие когнитивных ошибок (нарушений), как искажений мышления, которые возникают при обработке информации. Среди них есть негативное мышление как тенденция видеть только отрицательные стороны явлений и событий. Однако и противоположное ему позитивное мышление тоже может быть когнитивным нарушением, т.к. оно не позволяет увидеть реальность такой, какой она есть. Рассогласование между декларируемым вербальным и реальным положением дел в любую сторону (негативную или позитивную) создаёт внутренний конфликт и невроз, который рано или поздно должен будет разрешиться (хочется верить, что в пользу реальности). Разумеется, это наблюдение в отношении личности не может быть прямо перенесено на общественные или массовидные процессы. Но это повод задуматься.

Нам представляется обращение к советскому языку актуальным в силу того, что, как полагают некоторые исследователи, «для понимания советского наследия в развитии современной России необходимо учесть тот факт, что культурные и поведенческие модели нескольких поколений российских граждан корнями уходят в когнитивные структуры и концепты советского языка» (Musorina & Sorokina, 2014). Иными словами, обращение к советскому языку поможет лучше понять язык современной России. Но мы оставим эти соображения за пределами нашей статьи с надеждой на то, что когда-нибудь будет сделан психиатрический и антропологический анализ советской эпохи, а также более полный когнитивный анализ языка и ментальности современной России.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

Ссылки/ References

Басалаева, Е.Г., Шпильман, М.В. (2019) «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. [The "Soviet language" as an Object of linguistic Reflection in Internet Communication]. 2019. № 2. с. 142-156. In Russian.

Белянин, В.П. (2021). Опыт категориального анализа советизмов. Российские исследования. Филологические науки. [An Attempt of Categorical Analysis of Sovietisms. Russian studies]. 2021;2(2):33–55. In Russian.

Белянин, В.П. (1996). Введение в психиатрическое литературоведение. [Introduction to Psychiatric Literary Studies]. Verlag Otto Sagner. Specimina Philologiae Slavicae]. Band 107. Munchen. In Russian.

Бурсевич, В.В. (2015). Язык и идеология: проблема взаимодействия. Міжнародна наукова конференція "Дні науки філософського факультету – 2015". Киев.: Київський університет, [Language and Ideology: the Problem of Interaction]. 2015. Ч. 3, 8-11. In Russian.

Дейк, Т.А., ван. (1989). Язык, познание, коммуникация. [Language, Cognition, Communication]. М. In Russian.

Киселёв, К.В. (2002). Синтаксические характеристики предвыборных слоганов. Дискурс-Пи. Вып. 1. Т. 2. Политические технологии, [Syntactic Characteristics of Electoral Slogans]. 123-126. In Russian.

Купина, Н. А. (2015). Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. [Totalitarian Language: Dictionary and Verbal Reactions]. In Russian.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология.. Сочинения. Том 3. М., [German Ideology] 7-544. In Russian

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (1998). Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс. [An Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepiia]. In Russian.

Мусорина, О.А., Сорокина, С.Г. (2014). Русский язык в советский и постсоветский период. Пенза: ПГУАС. [Russian Language in the Soviet and Post-Soviet period]. In Russian.

Сарнов, Б.М. (2002). Наш советский новояз. М.: Материк, [Our Soviet Newspeak]. In Russian.

Серебренников, Б.А. (1970). Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.. М.: Наука. [General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of Language] In Russian.

Серебренников, Б.А. (1988). Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление.. М.: Наука. [The Role of the

Human Factor in Language: Language and Thought] In Russian.

Стернин, И.А. (2001). Введение в речевое воздействие. Воронеж. [An Introduction to speech Influence]. In Russian.

Советский энциклопедический словарь. (1980). Москва. [Soviet Encyclopaedic Dictionary]. С. 1587. In Russian

Тишков, В.А. (2020). Великая Победа и советский народ: антропологический анализ. Вопросы философии. [The Great Victory and the Soviet people: an Anthropological Analysis]. № 8, 5–19. In Russian.

Червинский, П. (2012). Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц.. Тернополь: Крок. [The Language of Soviet Reality: Semantics of Positivity in the Designation of Individuals]. In Russian.

Якобсон С., Лассвелл Г.Д. (2007). Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943). Политическая лингвистика. Вып. (1)21. Екатеринбург, [May Day Slogans in Soviet Russia (1918-1943)], 123-141. In Russian.

Althusser, L. (1971). Lenin and Philosophy and Other Essays. New Left Books.

Larrain, J. (1979). The Concept of Ideology. Hutchinson of London.

Tischler, V. (2010). Mental Health, Psychiatry and the Arts. Radcliffe Publishing, Oxford, New York.

Текстовые иллюстрации

Лебедев-Кумач, В. (1936а). Песенка Роберта (муз. И. Дунаевского, кинофильм «Дети капитана Гранта»). [Robert's Song (music by I. Dunaevsky, film "The Children of Captain Grant")]. In Russian

Лебедев-Кумач, В. (1936б). Песня о Родине (Муз. И Дунаевского, фильм «Цирк»). [Song about the Motherland (Mus. And Dunaevsky, film "Circus")]. In Russian.

Долматовский, Е. (1963). Песня из кинофильма «Мечте навстречу» (1963) муз. В. Мурадели). [Song from the film "Dream to Meet" (1963) music by V. Muradeli]. In Russian.

Проблемы Юридической Лингвистики Государственного Языка При Переводе на Русский Язык в Республике Казахстан

Kazakistan Cumhuriyeti'nde Devlet Dilinin Rusçaya Çevrilmesinde Hukuk Dilbilimi Sorunları

Problems of Legal Linguistics in the Translation of the State Language into Russian in the Republic of Kazakhstan

Janyl Aubakirovna
TUKEBAYEVA

International University of Engineering and
Technology, Department of Social and
Humanitarian Disciplines and World
Languages, Almaty, Kazakhstan

(Sorumlu Yazar-Corresponding
Author)

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Janyl Aubakirovna TUKEBAYEVA

E-mail: tukebayeva27@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 02.06.2024

Kabul Tarihi/Accepted 18.07.2024

Yayın Tarihi/
Publication Date 01.09.2024

Cite this article

Tukabeyeva, J. A. (2024). Problems of
Legal Linguistics in the Translation of
the State Language into Russian in the
Republic of Kazakhstan
*Russian Insights: Literature, Culture
and Linguistic*, 1, 37-41.

Цитировать эту статью

Tukabeyeva, J. A. (2024). Проблемы
Юридической Лингвистики
Государственного Языка При
Переводе на Русский Язык в
Республике Казахстан
*Russian Insights: Literature, Culture
and Linguistic*, 1, 37-41.

Content of this journal is licensed under a Creative
Commons Attribution-Noncommercial 4.0
International License.

Аннотация

В данной статье рассмотрены проблемы перевода на русский язык юридической терминологии в Республике Казахстан. Проанализированы и рассмотрены причины и проблемы неполноценного внедрения казахского языка.

Ключевые слова: Юридическая лингвистика, лингвистическая герменевтика, лингвистическая экспертология, лингвоконфликтология, государственный язык, Республики Казахстан, терминологическая и переводческая работа, язык науки, функции языка.

Öz

Bu makale, Kazakistan Cumhuriyeti'nde hukuk terminolojisinin Rusçaya çevrilmesindeki sorunları ele almaktadır. Kazak dilinin eksik uygulanmasının nedenleri ve sorunları analiz edilmekte ve değerlendirilmektedir.

Anahtar Kelimeler: Hukuk dilbilimi, dilbilimsel hermeneutik, dilbilimsel uzmanlık, dil-çatışma bilimi, Kazakistan Cumhuriyeti devlet dili, terminoloji ve çeviri çalışmaları, bilim dili, dil işlevleri.

Abstract

This article discusses the issues of the full and widespread functioning of the state language in the legal sphere of the Republic of Kazakhstan. The reasons and problems of the defective introduction of the Kazakh language are analyzed and considered.

Keywords: Legal linguistics, linguistic hermeneutics, linguistic expertology, linguoconflictology, state language of the republic of Kazakhstan, terminological and translation work, language of science, language functions.

Введение

С точки зрения науки юридическая лингвистика (юрислингвистика) изучает язык государства как объект языковой политики государства и язык права как элемент обслуживания юридической сферы. Впервые этот термин употребил Адальберт Подлех в 1976 году. С тех пор, юрислингвистика стал новым направлением языкознания, возникшая на стыке юриспруденции и лингвистики, которая призвана решать самые разнообразные проблемы лингвистического правового пространства, в законодательной деятельности, в юридической сфере, в обеспечении эффективного документооборота, в нашем случае, внедрение юридической лингвистики в область казахского языкознания. Любая лингвистическая работа, предполагающая разработку принципов составления юридических текстов, становится юрислингвистическим, если она не ограничивается общезыковыми аспектами и рекомендациями, но имеет в виду именно юридическую направленность текста, выделяющую эти тексты из сферы действия обычных норм общенародного языка текстов, имеет особую нормативность, содержащую новое качество по отношению к нормативности общезыковой. В других странах будущих юристов обучают на занятиях юрислингвистики ораторскому искусству, грамотной речи и также использованию точному использованию иноязычных текстов при переводе юридических текстов. Но, к сожалению, нужно признать за 30 лет независимости Казахстана у нас так и не достигнуты успехи в деле полноценного и повсеместного функционирования государственного языка, несмотря на то, что «казахский язык является одним из определяющих факторов государственности Казахстана, символизирует его суверенитет является элементом конституционно-правового статуса Республики» (RK, 2007). Этому свидетельствует ненадлежащее исполнение статей 9 и 23 Закона РК «О языках в Республике Казахстан» (RK, 1997); применение не эффективной методики при обучении государственному языку; ненадлежащая работа государственных, уполномоченных органов по осуществлению системной работы восстановления качества казахского языка, в итоге ухудшение качества функционирования государственного языка в официальной, в публичной сфере, в СМИ и т.д.

Проблемы юридической лингвистики

С каждым годом возрастающий интерес в Казахстане к юрислингвистике связано с качеством перевода с русского языка на государственный язык различных юридических документов. Так как, лингвистическая экспертиза различных правовых документов, формулирование рекомендаций по разработке текстов законопроектов, исследования в теории и на практике в области юридического перевода и многие другие требует тщательного лингвистического изучения. К огромному сожалению, несмотря на то, что казахский язык, как все мировые языки, имеет свою богатую историю со времен древнетюркской письменности (различные рукописи документов, ханские Уставы, письма, документы, постановления бийов, казы и т.д.), должным образом до сих пор не изучен лингвистами-казаховедом. Омрачает и такой факт, что при переводе юридических документов некоторыми должностными лицами ««лоббироваться» мысль о недопустимости изменения даже формы иностранных терминов, а также их перевода на казахский язык. Это, скорее всего, является ответной реакцией на стремление переводить термины на государственный язык всего и вся, притом далеко не лучшими специалистами-переводчиками, знатоками казахского языка. Причина вышеизложенных шероховатостей в деятельности по функционированию государственного языка – отсутствие профессионализма. Решения по данному вопросу зачастую принимаются лицами, которые с младенчества, со школы, со студенчества и в научных кругах непрерывно и поступательно не обучались казахскому языку» (Bakirov, 2020). В обыденной жизни мы видим как повсеместно в законодательных органах и общественной жизни, когда некоторые нормативные правовые акты, документы делопроизводства сначала пишутся на русском языке, а затем переводятся на казахский язык. Перевод на казахский язык возникает только после того, как текст на русском языке будет усовершенствован и доработан. Иногда за нехваткой времени казахский вариант текста вовсе не рассматривается. Перевод на казахский язык порою не читается и не проверяется на достоверность, в основном существует для отчетности по выполнению «Закона о языках». Некоторые лингвисты, работающие в сфере законодательных актов, как Бакиров С.К., Кулбатырова А.А., Мединаева

А.А. предлагают сравнительный опыт зарубежных стран, как Канада, Гонг Конг и Малайзия, где в большинстве случаев Конституция любой страны предусматривает, что все законодательные акты должны быть написаны и приняты как на английском языке, так и на родном языке, и что оба языковых варианта являются равно аутентичными текстами (Bakirov, 2020). В Казахстане выступал с такими заявлениями известный лингвист Б.Капалбеков. Но, к большому сожалению, в Казахстане это вопрос времени.

Налицо, что на сегодняшний день проблемы формирования терминологического, стилистического аппарата юридической лингвистики и ее областях, как юридико-лингвистическая герменевтика, лингвистическая экспертология, лингвоконфликтология, а также при современной цифровизации научной и практической деятельности в казахской филологии недостаточно изучены. Так как язык любой науки — это модель научного взаимодействия, научной коммуникации, позволяющая фиксировать и передавать информацию. Это основной закон языка. Как мы видим в повседневной жизни, не всегда возможно описать или выразить истинную сущность чего-либо естественным, обыденным казахским языком, поэтому необходимы научные конструкции — продукты научно-познавательной деятельности. Вопиющий вопрос проблем юридической лингвистики невозможно отрицать, то как лингвистическое явление, как формирование языка в юридической науке на казахском языке, нуждается в языковых категориях, терминах как знаково-символических средств получения нового знания, точнее, облачения нового знания в приемлемую максимально отражающую его сущность словесную оболочку. Потому что, в языкознании любого языка существует жесткий контроль над употреблением слов. «Поскольку же атрибут научного познания — предъявление строгих требований к методам познания и контроль за их соблюдением, постольку обеспечение сознательного контроля над передачей информации средствами естественного языка является актуальной проблемой науки» (Jaldak, 2008, p. 13).

В последние годы лингвисты-переводчики наблюдают, что в эпоху развития информационных технологий наблюдается перенос термина из другого языка, в казахстане с русского языка. Здесь немаловажную роль играет и глобализация современного общества. Некоторые, особенно, молодежь, не задумывается этнопринадлежности любого слова или термина. Например, в казахском языке слово «детализация», «дигитализация», во многих случаях остается в первоначальном виде. Поэтому чаще всего допускается ошибки в этимологических корнях слов, где не совсем точное по смысловой нагрузке употреблены термины и слова, например: В статье 604 «Уголовного кодекса РК»: «1. По договору безвозмездного пользования имуществом (**договору ссуды**) одна сторона (**ссудодатель**) передает имущество в безвозмездное временное пользование другой стороне (**ссудополучателю**), а последняя обязуется вернуть то же имущество в том состоянии, в каком она его получила, с учетом нормального износа, или в состоянии, обусловленном договором»- переведен неправильно: «**несиешарты**»- «**договору ссуды**», «**несиеберуші**»- «**ссудодатель**», «**несиеалушыға**»- «**ссудополучателю**». Слово «**Несие**»(лат. *creditum* — *несие, credo* - *сенемін, сенімбилдіремін* за неимением эквивалента в казахском языке переведен не правильно. (Omar, 2012, p. 195). Здесь мы, лингвисты видим, что некоторые слова, запущенные в обиход, могут привести к серьезным разночтениям его с оригиналом. В этом направлении, на наш взгляд, должен работать Терминком страны, который ответственен за унификацию казахских терминов. На это может повлиять и общекультурный уровень лиц, кто употребляет неправильный термин, (непонимание того, о чём говорят судебные эксперты, лица, разбирающихся в информационно-коммуникационных областях), навыком работы с современными техническими устройствами и технологиями или недостаточным знанием казахского языка.

Бакиров С.К.в своей статье указывает на причины и проблемы неполноценного внедрения казахского языка, предлагает три принципа:

1. Принцип государственного подхода, сопряженный с независимостью страны, языка;
2. Научный принцип;
3. Принцип профессиональной культуры (интеллект), которым, по мнению автора, строго должны руководствоваться при принятии решений, имеющих особую значимость в масштабе государства [Bakirov, 2020].

Выводы

С мнением Бакирова С.К. невозможно не согласиться. Просмотрев текст юридических документов на двух языках, мы пришли к такому заключению:

В наш век, когда современное общество стремится к междисциплинарному научному общению и взаимодействию, сближению методологии различных по своей сути научных дисциплин свидетельствует о том, что стоящие перед человеком проблемы познания имеют многогранный характер, требуют поиска новых подходов и решений. После осмысления тенденций развития юридической лингвистики при переводе выявили следующие проблемы: многозначность юридических терминов, образование несчетное количество синонимов. По закону языка, в нашем случае, терминологии, любое слово любой сферы деятельности, слово как наиболее отражающее суть описываемого явления, становится термином тогда, когда оно отвечает требованиям однозначности, слабой зависимости от контекста, стилистической нейтральности, смысловой унификации. Поэтому юридическая наука Казахстана нуждается в унификации и однозначности юридической лингвистики казахского языка как государственного. Возникает вопрос: что же сближает язык и право? Прежде всего, это и язык, и право – это реалии, имеющие «фундаментальное значение для человеческого бытия» (Gubayeva, 1996). Так и в формирований терминологического аппарата юриспруденции, способов и путей создания и вживления в языковую среду новых правильных терминов по юриспруденции. Так как язык и слово законопроектов, актов на казахском языке занимает первое место в работе юриста и переводчика-лингвиста этот аспект языкознания требует скрупулезного своего исследования. Эта сфера предусматривает вопрос эквивалентности, согласованности терминологии, синтаксиса, стиля на русском и казахском языках. Специалисты юрислингвистики должны руководствоваться лингвистическим законом и согласованностью между языками одного и того же закона, обеспечить точное толкование и достичь результатов более высокого качества перевода. Ведь за ошибкой переводчика может стоять жизнь человека.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek olmadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

Ссылки / References

Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23.02.2007 года № 3 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции РК adilet.zan.kz [Postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta Respubliki Kazakhstan ot 23.02.2007 goda № 3. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan «Ädilet» Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Ministerstva yustitsii RK. Dostupno na: adilet.zan.kz]

Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года «О языках в Республике Казахстан» Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции РК adilet.zan.kz [Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 goda «O yazykakh v Respublike Kazakhstan». Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan «Ädilet» Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Ministerstva yustitsii RK. Dostupno na: adilet.zan.kz]

Бакиров, С.К. Три принципа ренессанса государственного языка. Вестник Института законодательства и правовой информации [Bakirov, S.K. Tri printsipa renessansa gosudarstvennogo yazyka. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii RK], № 5 (63), 2020, p. 191

Бакиров, С.К. Три принципа ренессанса государственного языка. Вестник Института законодательства и правовой информации [Bakirov, S.K. Tri printsipa renessansa gosudarstvennogo yazyka. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii RK], № 5 (63), 2020, p. 191.

Жалдак, Н.Н. Логико-семантический анализ естественного языка науки линейно-табличными диаграммами существования//Научные ведомости БелГУ. [Zhaldak, N.N. Logiko-semanticheskiy analiz yestestvennogo yazyka nauki lineynno-tablichnymi diagrammami sushchestvovaniya. Nauchnoe vedomosti BelGU], 2008, № 14 (54), p. 12—19.

Омар, Б.С «Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексындағы «Ерекше бөлім) Кйбір аударма сәйкессіздіктері. Қазақстан Республикасы Заң шығару Институтының Жаршысы ғылыми-құқықтық журнал [Omar, B.S. Qazaqstan Respublikasınin Azamattıq Kodeksindegi «Erekshe bölim» Keybir audarma säykessizdikteri. Qazaqstan Respublikası Zaң shıǵaru Institwtınıñ Jarşıısı ǵılımiy-quqıqtıq jwrnal], № 1 (25), 2012.

Бакиров, С.К. Три принципа ренессанса государственного языка. Вестник Института законодательства и правовой информации [Bakirov, S.K. Tri printsipa renessansa gosudarstvennogo yazyka. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii RK], № 5 (63), 2020, p. 191.

Губаева, Т.В. Словесность в юриспруденции: дис. ... д-ра юрид. Наук/Губаева Т.В.–Казань,1996.– URL:<http://www.dissercat.com/content/slovesnost-v-yurisprudentsii> [Gubaeva, T.V. Slovesnost' v yurisprudentsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 1996. Dostupno na: [dissercat.com/content/slovesnost-v-yurisprudentsii](http://www.dissercat.com/content/slovesnost-v-yurisprudentsii)]

“Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo” ve “Dev ile Keloğlan” Masallarındaki Erkek Karakterlerin Hiperbolik Anlamlarla Süslenerek Kahramanlaştırılması Üzerine Bir İnceleme

A Study on the Heroization of Male Characters in the Fairy Tales "Ivan the Peasant's Son and Miracle Yudo" and "The Giant and Keloğlan" by Adorning Them with Hyperbolic Meanings

Nebahat Tuğçe TAN

Ulusal Araştırma Enstitüsü Ekonomi
Yüksek Okulu St. Petersburg, Rusya
(Sorumlu Yazar-Corresponding
Author)

Öz

Yazarın duygu ve düşünce dünyasını vurgulamasında yardımcı görev üstlenen hiperboller edebi eserlere güçlü bir duygu ve etki katma potansiyeline sahip olan etkili bir dil aracıdır. Sözlü edebiyatın en önemli parçası olan masallar, Rus ve Türk folklorik öğelerini yansıtmaya geleneğine hizmet etmektedir. Dolayısıyla, her iki kültürü yansıtmada etkin bir rol üstlenen masalları tanımak, tanıtmak oldukça önemlidir. Rus ve Türk edebiyatının kadim türlerinden biri olan masallar, hiperbollerin edebi alan içerisindeki yoğun kullanımının en önemli örnekleridir. Bu anlamda bir masalı derinleştiren ve anlatım gücünü destekleyen hiperbol kullanımı, alışlagelmşin dışına çıkılarak, Rus halk masallarından “Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo” ve Türk halk masallarından “Dev ile Keloğlan” erkek karakterlerin hiperbolik anlamlarla süslenerek kahramanlaştırıldığı bakış açısı ile ilk kez ele alınmıştır. İnceleme sırasında her iki edebiyat ve kültüre ait unsurların değerlendirilmesiyle ortaya çıkan bulgular ise çalışmanın sonuç bölümünü oluşturmuştur. Tanımlama, araştırma, fişleme, karşılaştırma, gözlem ve genelleme yöntemlerinin kullanıldığı bu makale özgün konusu ile literatüre yenilik kazandırırken aynı zamanda bu alanda çalışma yapmak isteyen araştırmacılara yardımcı bir kaynak olacaktır.

Anahtar Kelimeler: İvan, keloğlan, hiperbol, abartı masal, erkek

Abstract

Hyperboles, which help the author to emphasize the world of feelings and thoughts, are an effective language tool that has the potential to add a strong emotion and impact to literary works. As the most important part of oral literature, fairy tales serve the tradition of reflecting Russian and Turkish folkloric elements. Therefore, it is very important to recognize and introduce fairy tales, which play an active role in reflecting both cultures. Tales, one of the ancient genres of Russian and Turkish literature, are the most important examples of the intensive use of hyperboles in the literary field. In this sense, the use of hyperbole, which deepens a fairy tale and supports its narrative power, has been examined for the first time from the point of view of "Ivan the Peasant's Son and Miracle Yudo" from Russian folk tales and "The Giant and Keloğlan" from Turkish folk tales, where male characters are embellished with hyperbolic meanings and heroized. The findings that emerged from the evaluation of the elements of both literature and culture during the examination constitute the concluding part of the study. This article, which employs the methods of definition, research, recording, comparison, observation and generalization, will bring innovation to the literature with its original subject and at the same time will be a helpful resource for researchers who want to work in this field.

Keywords: Ivan, keloğlan, hyperbola, exaggeration, fairy tale, male

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Nebahat Tuğçe TAN

E-mail: ntugcetan@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 24.11.2023

Kabul Tarihi/Accepted 12.02.2024

Yayın Tarihi/ 01.09.2024

Publication Date

Cite this article

Tan, N. T. (2024). A Study on The Heroization of Male Characters in the Fairy Tales "Ivan the Peasant's Son and Miracle Yudo" and "The Giant and Keloğlan" by Adorning Them with Hyperbolic Meanings. *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 42-49.

Content of this journal is licensed under a Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License.

Giriş

Yunanca kökenli bir sözcük olan hiperbol, nesnelerin, olayların veya süreçlerin niteliksel veya niceliksel özelliklerinin aşırı abartılmasını içeren sanatsal bir ifadedir (Berdiyev, 2022). Kurgu dünyasında hiperbol, yazarın anlatım gücünü artıracak ve okuyucuyu etkileyebilecek önemli bir retorik araçtır.

Hiperbol, edebi esere derinlik katar; duygu, fikir ve olayları dramatik bir ifadeyle vurgulayarak okuyucuya unutulmaz bir deneyim yaşatır. Abartılı ifadelerin doğru ve dengeli kullanılması eserin kalitesini arttırabilir ve yazarın niyetini doğrudan aktarabilir. Dolayısıyla kurmacada yazar, öykünün olay örgüsünü geliştirmek ve kahramanın karakterini ve düşüncelerini şekillendirmek için hiperbolü kullanır. Böylece, yazarın bu tutumu her defasında karakterlere yansır ve hikâyenin genel atmosferini yansıtır.

Edebiyat paha biçilmez bir kültürel hazine, türleri içerisinde en önemli konulardan birine sahip olan masallar ise oldukça zengin bir şekilde biriktirilmiş ve ayrılmaz bağlarla birleştirilmiş sözlü halk sanatı mirasıdır. Masallar çoğu zaman aydınlatıcı mesajlar içerir. Bu mesajları güçlendirmek için abartı kullanılabilir, böylece hikâyenin didaktik yönü güçlendirilebilir. Bu noktada didaktik yönü güçlendirmek, hiperbolü kurgunun ana unsurlarına dahil etmekle mümkün olur. Zaman akışını, mekân tasvirlerini, karakter oluşturma aşamasını güçlendiren hiperbol kullanımı hikâyenin zenginleşmesine katkı sunar.

Masal kurgusunun en önemli unsuru olan karakter oluşumu, genellikle bir takım evrimleşme veya gelişme süreçlerini içerir ve karakterlerin tamamen değişmesini ortaya koyar. Bir karakter oluşturma sürecinin amacı hikâyenin didaktik mesajlarını güçlendirmek, okuyucuların masal karakterlerini daha iyi anlamalarına yardımcı olmak ve hikâyenin altında yatan temaya hizmet etmektir.

Masallarda cinsiyet rolleri kültüre, döneme ve hikâyenin amacına göre farklılık gösterse de güç sembolü olarak görülen erkek, hiperbol kullanımı ile kahraman ve istisnai olarak tasvir edilir. Savaşan, zorlu görevlere tabi tutulan, her türlü koşula uyum sağlayan, kıvrak zekâsı ile olayların üstesinden kolaylıkla gelebilen, olay seyrini şekillendiren ve bir masalın en önemli niteliklerinden doğaüstü güç görevleri erkek cinsine yüklenir.

Bu bağlamda Rus ve Türk edebiyatının en kadim türlerinden biri olan masallarda her iki kültüre ait en önemli karakter temsillerinin erkek olduğu görülmektedir. Dolayısıyla çalışmamızda Rus folkloruna ait "*Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo*" ve Türk folkloruna ait "*Dev ile Keloğlan*" masallarında erkek karakterlerin hiperbolik anlamlarla süslenerek kahramanlaştırılması durumunun incelenmesi amaçlanmıştır. Ayrıca belirtmek gerekir ki çalışmanın ana kaynaklarından birini oluşturan "*Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo*" masalına ait alıntılar orijinaline sadık kalınarak Rus dilinde verilmiştir. Ancak metnin Türk diline ait herhangi bir çevirisi bulunmaması ve araştırmacılar tarafından metnin anlaşılabilir olmasını gözetme arzusu sebebiyle alıntılara ait tercüme makale yazarı tarafından yapılmıştır.

Hiperbol

Yazma, insanların duygularını, düşüncelerini ve fikirlerini ifade etmek için çeşitli dilsel araçları kullanır. Bu dilsel araçlar yazarın eserine derinlik, odak ve duygu katarak eseri okuyucu için daha etkili kılar. Güçlü duygu ve fikirleri aktarmada böyle bir yöntem olan hiperbol, abartma olarak da bilinen söz bilimsel bir araç olarak ifade edilmektedir (Claridge, 2011; akt. Arçın, 2023).

Edebiyat alanında hiperbol farklı amaçlar için kullanılır. Ana işlevi okuyucunun dikkatini çekmek ve bir fikri veya duyguyu vurgulamaktır. Bu anlatım türü okuyucuyu metnin içine çeker ve olayın önemli kısımlarını vurgular. Hiperboller aynı zamanda mizahi sahneler oluşturmak, duygusal derinlik eklemek veya karakter özelliklerini vurgulamak için de kullanılabilir ancak aşırı kullanıldığında etkilerini kaybederler (Ünsal Topçu, 2021). Çok sık veya uygunsuz şekilde kullanıldığında okuyucular abartmayı ciddiye almayı zor bulabilir ve yazarın yorumları abartılı veya konu dışı görünebilir.

Öyleyse edebi bir sanat olarak hiperbol, gösterişli değil, zarif, esprili olmalıdır aksi takdirde gerçeğin ötesinde bir açıklama, güzel ve etkili bir rüyayla çerçevelenmezse soğuk ve bayağı şeklinde ifade edilir (Pala, 2006; akt. Safa, 2015).

Rus Masallarında Hiperbol

Derinliği ve çeşitliliğiyle bilinen Rus edebiyatında yazarlar, eserlerinde sıklıkla kullandıkları retorik araçlardan biri olan hiperbol ile sanatlarındaki zenginliği vurgulamaktadırlar. Rus edebiyatında abartı, A.S. Puşkin, V.V. Mayakovski, N.V. Gogol, F.M. Dostoyevski gibi usta yazarların eserlerine derinlik, güzellik ve duygusal zenginlik katan güçlü bir araç olarak ortaya çıkmıştır (Eren, 2020).

Rus edebiyatın bir parçası olarak, Rusya'nın zengin tarihini, folklorunu ve sosyal yapısını yansıtan masallar, okurlara hem eğlenceli hem de entelektüel açıdan zengin bir keyif sunmaktadır. Rus masalları büyümlü atmosferi, doğaüstü yaratıkları ve sıra dışı olaylarıyla ünlüdür (Shabanova, 2013). Bu hikâyeleri anlatırken sıklıkla karşılaştığımız unsurlardan biri de hiperboldür. Rus masallarında hiperbol, hikâyede ilginç bir atmosfer yaratılmasına, karakterlerin ve olayların vurgulanmasına yardımcı olur. Yani genel olarak karakterlerin kişiliği, olayların ölçüsü, zamanın süresi gibi özellikleri ifade edebilir.

Hiperbolik anlatıların en önemli özelliklerinden biri kahramanların güç veya güzelliğine aşırı vurgu yapılmasıdır. Bu abartılı anlatımın hikâyenin büyümlü ve gerçeküstü atmosferine katkıda bulunması amaçlanır. Abartılı hikâye anlatımıyla masallardaki olaylar çoğu zaman olağanüstü ve büyüleyici bir şekilde anlatılır. Hikâyedeki karakterlerden biri gizemli ya da büyümlü olaylar yaşar ve mistik yaratıklarla savaşıır. Bunlar masallardaki abartıların klasik örnekleridir. Benzeri abartılı olaylar hikâyeyi canlı ve unutulmaz kılmaktadır.

Türk Masallarında Hiperbol

Türk folklorunun önemli bir bölümünü temsil eden masallar en eski kültür hazinelerimiz arasındadır (Başaran, 2021). Bu türün temsilinde sıklıkla karşılaştığımız unsurlardan biri hiperboldür. Hiperbol, aşırı ifadeler ve olaylar kullanarak bir hikâyeyi daha dramatik ve etkili hale getirme sanatıdır. Türk masallarında hiperbol, kişilik özellikleri, olayların boyutu, zamanın akışı dahil olmak üzere pek çok faktörü bünyesinde barındırması sebebiyle hikâyenin eğlendiriciliğini ve uyarıcılığını arttırmaktadır.

Rus Masallarında olduğu gibi öne çıkan hiperbol unsurları karakterin genel olarak gücüne ve güzelliğine yansıtılır. Bu şekilde karakterlerin akılda kalıcı olması hedeflenir. Olayların boyutu Türk hikâyelerinde önemli bir abartı unsuru oluşturmaktadır. Kurgusal karakterlerin karşılaştığı zorluklar sıra dışı hale getirilerek okuyucuların olaylara daha fazla odaklanmasına ve karakterin başarılarını kabul etmesine olanak tanır. Bu parçalar hikâyeye sadece eğlenceli değil aynı zamanda didaktik bir boyut da katmaktadır.

Türk masallarında hiperbol, olayların zamanını, mekânını ve karakterlerin duygularını vurgulayan, hikâyede özgün ve büyümlü bir atmosfer yaratılmasına yardımcı olan önemli bir unsurdur (Nikolayenko & Tayanovskaya, 2014). Abartılı anlatımlar, masalları yalnızca eğlence kaynağı değil aynı zamanda kültürel ifade ve anlam kaynağı haline getirir. Abartılı büyümlü dünya, zamana meydan okuyan ve nesilden nesile aktarılan Türk masallarının yaratılmasına katkı sunmaktadır.

Masallarda Hiperbolik Anlatımla Erkek Karakterlerin Kahramanlaştırılması

Günümüzde masallara dair algı oldukça tuhaf bir hal almaktadır. Küçük çocuklara okunan masallar açısından ilk çocuk kitabı aslında bir ders kitabı değil, bir masal derlemesidir. Ve bu durumun ilginç olan yanı hiçbir anne-baba, içeriğini inceledikten sonra bile, bir masalının, yalnızca bir ağacın meyvesi olan elma gibi yüzyıldan yüzyıla aktarılan böyle bir eğitim mucizesinin ne olduğunu izah edemez (Bhasin, 2003). Bu açıdan bakıldığında masallar ilk eğitimin en önemli parçası olarak görülebilir. Dolayısıyla bireyin toplumsal yapıyla ilk kez tanıştığı bu evrede, kurgulanan masal karakterlerine yüklenen cinsiyet rolleri gerçek hayatın bir yansıması olarak görülür.

Genel olarak toplumlarca erkek ve kadına düşen görevler belirlidir. Erkek, kurduğu yuvanın koruyucusu, fiziksel zorluklar karşısında güçlü duran, cesaret sembolünü göğsünde bir ömür taşıyan, korkusuz biri olarak kodlanmıştır (Çelikten, 2022). Toplumlarca kabul edilen bu görüş, masal kurgularına da sirayet ederek hiperbolik anlamlarla erkekler kahramanlığın simgesi haline gelmiştir. Fantezi edebiyatındaki erkek karakterler genellikle üstün güç ve yeteneklere sahip olarak tasvir edilir. Bu, erkek kahramanın tipik olmaktan uzak, efsanevi bir varlık olduğunu varsayar. Abartılı anlatım, karakterin

yeteneklerini aşırı vurgular ve bu da daha etkileyici ve saygın bir karakter ortaya çıkarır. Örneğin, karakterin düşmanlarla korkusuzca savaşma veya sorunları kıvrak bir zekâ ile ele alma yetenekleri, kahramanın erdemlerini destekleyen hiperbolik bileşenler olarak düşünülebilir (Lopukhova, 2009).

Fantazi hikayelerindeki erkek karakterler ele alındığında sıklıkla destansı yolculukları olur. Bu görevler kahramanın cesaretini ve azmini değerlendirir. Abartılı anlatım bu sorumlulukları ve engelleri aşırı vurgular, bu da erkek karakterin kahramanlığını daha belirgin kılar. Erkek kahraman, sıradan engellerin dışında sıklıkla bir masalın boyutlarındaki zorluklarla karşılaşır, bu zorluklar onun kahramanlık kapasitesini gösterir. Bu noktada abartılı anlatım, erkek karakterlerin içsel duygularına ve sorunlarına odaklanarak öykülerin duygusal etkisini artırma potansiyeline sahip olur. Karakterin iç çatışması sadece fiziksel yetenekleriyle değil aynı zamanda insani nitelikleriyle de ilgilidir. Abartılı bir şekilde anlatılan bu iç mücadeleler, erkek karakterin duygusal zekasını ve erkekliğini artıran unsurlar olarak değerlendirilebilir. Masalarda karşımıza çıkan bir başka durumda da erkek karakterler genellikle efsanevi güçlere sahip rakipler ile mücadele ederler. Bu rakipler erkek kahramanın mücadelesinin zorluğunu artırır. Hiperbolik anlatım, karakterin bu efsanevi düşmanları yenmeye çalışırken gösterdiği cesarete ve azme odaklanır. Bu savaşlar erkeğin kahramanlığını en üst düzeye çıkarır ve onu toplumda eşsiz bir konuma yerleştirir (Sezer, 2014).

Masalların abartılı anlatımı, erkek karakterleri ön plana çıkararak onları toplumdan üstün olarak tasvir etmektedir. Efsanevi yetenekler, destansı yolculuklar, iç çekişmeler, efsanevi düşmanlar gibi unsurlar kahramanın itibarının erkeksiliğini artırır. Bu durum dinleyicilerin veya okuyucuların karakterle bağ kurmasını ve masallar aracılığıyla daha etkili mesajların iletilmesini kolaylaştırır. Buna göre masal anlatısı, hiperbolik anlatı aracılığıyla erkek cinsiyetini öne çıkaran güçlü bir araç görüşü ortaya koyar.

Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo Masalında Hiperbolik Anlatımla Erkek Karakterin Kahramanlaştırılması

"Köylü İvan ve Yudo Mucizesi" gibi Rus halk masalları, ülkenin kültürel mirasının önemli bir parçasıdır. Çeşitli mit ve efsaneleri aktarmanın yanı sıra toplumun sosyokültürel yönlerini de yansıtır. Rus masallarında genellikle doğaüstü güçlere ve özelliklere sahip erkek karakterler yer almaktadır. "Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo" masalı da bu bağlamda bir istisna değildir. Cesur bir kahraman olarak İvan çoğu zaman büyük zorluklarla karşı karşıya kalır ve dahası büyük mucizeler yaşar. Bu unsurlar ona Rus halk masallarında epik statüsü kazandırır.

"Вот сошлись они, поравнялись да так жестоко ударились, что кругом земля простонала.

Чудо-юду не посчастливилось: Иван - крестьянский сын, с одного размаху сшиб ему три головы.

- Стой, Иван - крестьянский сын! - кричит чудо-юдо. - Дай мне роздыху!

- Что за роздых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна! Вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились." (s.9)

"Bir araya geldiler ve birbirlerine öyle sert vurdular ki yer inledi.

Köylünün oğlu İvan, tek bir vuruşla üç kafasını birden uçurdu.

- Dur, köylü oğlu İvan! - diye bağırdı Mucize-Yudo. - Dinlenmeme izin ver!

- Ne dinlenmesi! Senin üç kafan var, benimse bir! Senin bir başın kaldığında, o zaman dinleniriz.

Yine bir araya geldiler, yine birbirlerine vurmaya devam ettiler."

Ancak bu bağlamda hikâyedeki erkek karakterin niteliklerinin ne kadar abartılı olduğunu dikkate almak önemlidir. İvan, gerçekçi olmayan beklentileri yükseltebilecek, bilgeliği, cesareti ve korkusuzluğuyla ideal bir kahraman olarak tasvir edilmektedir.

"А чтобы вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка остается: он еще очень молод, чтоб на бой идти.

- Нет, - говорит Иван, - не к лицу мне дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!" (s.4)

"İvanuşka sizinle kalsın ki uzun süre yalnız kalmayınız: savaşa gitmek için henüz çok genç.

- Hayır," dedi İvan, "evde kalıp sizi beklemek benim için doğru değil, bu yüzden ben de gidip Mucize Yudo savaşaçağım!"

Cesaret ve gücün abartılması masalda fantezi unsurunu uyandırabilir ancak aynı zamanda gerçekçilik hakkında soruları da gündeme getirir ve gerçek insan özelliklerini de yansıtır.

"Устала змеиха, села отдохнуть.

Тут Иван - крестьянский сын выскочил из кузницы, поднял змеиху да со всего размаху ударил ее о сыру землю. Рассыпалась она мелким прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял. С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись, без страха люди жить стали.

А Иван - крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери, и стали они жить да поживать, поле пахать да хлеб собирать." (s.22)

"Yılan yoruldu ve dinlenmek için oturdu.

Sonra köylünün oğlu İvan ocaktan atladı, yılanı aldı ve tüm gücüyle onu toprağa çarptı. Yılan ince küller halinde dağıldı ve rüzgâr külleri her yöne savurdu. O zamandan beri o bölgedeki tüm mucizeler ve yılanlar yok oldu ve insanlar korkusuzca yaşamaya başladı.

Ve bir köylünün oğlu olan İvan ve kardeşleri evlerine, anne ve babalarının yanına döndüler ve sonsuza dek mutlu bir şekilde yaşamaya, tarlalarını sürmeye ve ekmek toplamaya başladılar."

Masal türü genel yapısı itibariyle eğlendirici bir işleve sahipken aynı zamanda toplumun değer ve fikirlerini de aktarmakta bir araçtır. Hikâyede erkek figürünün nasıl tasvir edildiğini anlayarak, o dönemde hangi ideallerin önemli olduğunu ve bunların Rus kültüründe erkekliğe ilişkin fikirlerin oluşumunu nasıl etkilediği görülmektedir.

"Не стали старик со старухой Иванушку удерживать да отговаривать, и снарядили они всех троих сыновей в путь-дорогу. Взяли братья мечи булатные, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали." (s.4)

"Yaşlı adam ve yaşlı kadın İvanuşka 'nın cesaretini kırmadılar ve üç oğullarını da yolculuk için hazırladılar. Kardeşler kılıçlarını kuşandılar, ekmek ve tuz dolu çantalarını aldılar, atlarına bindiler ve yola koyuldular."

"Köylü Oğlu İvan ve Yudo Mucizesi", İvan karakterini yorumlayarak mit ve gerçekliğin eşsiz bir birleşimini sergilemektedir. Eril ideallerin abartılması efsanenin bir parçası olarak değerlendirilirken erkek cinsine ait toplumsal beklentiler ve genellemeler üzerindeki etkisine ilişkin soruları gündeme getirir. Bu yönleri analiz etmek, masalların erkeklerin kültürel temsillerini nasıl şekillendirdiğini ve bu temsillerin zaman içinde nasıl gelişebileceğini veya devam edebileceğinin daha iyi anlaşılmasını sağlar.

Dev ve Keloğlan Masalında Hiperbolik Anlatımla Erkek Karakterin Kahramanlaştırılması

Türk masalları da genel olarak Rus masalları gibi kendi kültürünü, değerlerini, inançlarını ve ideallerini yansıtan fantastik hikâyelerdir. Dev ile Keloğlan hikayesi Türk popüler kültüründe önemli yer tutan ve kuşaktan kuşağa aktarılan bir hikayedir.

Dev ile Keloğlan hikâyesinde Türk masal türünün milli karakteri olan Keloğlan karakteri çoğu zaman abartılı yeteneklerle tasvir edilir. Kurnazlık, cesaret ve bilgelik, karakteri ifade eden erdemler olarak karşımıza çıkar. Keloğlan'ın üstün zekâsı ve cesareti devle mücadelesi sırasında ortaya çıkar. Anlaşılabacağı üzere bu abartılı yetenekler Keloğlan'ı hikâyenin merkezine yerleştirir ve onu bir kahraman olarak ön plana çıkarır.

"Devin akli başına gelmiş. Bu işi Keloğlan'ın yaptığını anlamış. Yorgana asılarak Keli odanın ortasına düşürmüş. Hemen bir torba bularak

Keloğlan'ı içine koymuş, sabahleyin yemek için odalardan birine saklamış.

Keloğlan torbayı bıçakla yırtarak dışarıya çıkmış.

Devin ela buzağısını ahırdan alarak torbanın içine koymuş, tavana asmış. Sabah olunca, dev gelmiş, torbaya dokunmuş. Buzağı bağırmağa başlamış. Dev birden bire şaşırılmış:

— Ulan Keloğlan, benim ela buzağım gibi nasıl bağırıyorsun? Demiş.

Keloğlan da saklandığı yerden kendini göstermeden:

— Halt etme! Benim üç buçuk kuruşumu ver diye seslenmiş.

Dev iyice şaşırılmış:

— Ortaya çık ta vereyim! Demiş.

Keloğlan meydana çıkmış, parayı almış. Dev ela buzağıyı torbadan alarak ahıra götürmüştü.

Bu sırada Keloğlan zilli yorgam aşırarak kaçmış, getirip Padişah'a vermiş, bin akçeyi almış." (s.8)

Olay örgüsü, Keloğlan'ın yaratılan göz korkutucu engelleri aşma arayışı etrafında dönmektedir. Dolayısıyla karşılaşılan zorluklar olağanüstü ve cesur eylemler gerektirmektedir. Hiperbolik anlatım, Keloğlan'ın bu görevlerdeki üstün başarılarını vurgularken onu bir kahraman kimliğine büründürür.

"...

Dört tarafı demirden bir kafes yaptırmış, kafesin içine de dört tane Ölü adam koymuş. Bunları bir arabaya koyarak doğruca devin evinin önüne götürmüştü.

Devi çağırarak; arabadaki kafesi göstermiş:

— Sana yemek için bunları getirdim, al işte! Demiş.

Dev, dört adamı görünce, iştahı kabarmış. Hemen demir kafesin kapısından içeri dalmış.

Keloğlan kapının yanında duruyormuş.

Dev içeriye girince, kapıyı hemen kilitleyivermiş. Doğru çarşıya gelmiş, bir ağacın yanında durmuş. Kafesi yere indirtmiş. Ağacın yanına bir değirmen taşı ile büyük ve kızgın bir demir parçası koymuş. Dev'in haberi olmadan kafesin kapısını açmış, ağacın üzerine çıkmış." (s.8-9)

Keloğlan'ın tasviri, bir bireyin kahramanca yaşamının yanı sıra toplumun geleneksel uygulamalarının da bir temsilidir. En önemlisi olağanüstü yetenekleri ve başarılarıyla hem korkusuzluğu hem de zekayı bünyesinde barındırması sebebiyle ideal bir erkek figürüdür.

Sonuç

Çalışmamızda "Köylü Oğlu İvan ve Mucize Yudo" ile "Dev ile Keloğlan" masallarındaki erkek karakterlerin hiperbolik ifadelerle nasıl kahramanlaştırıldıklarını incelenmiştir.

"Köylü Oğlu İvan ve Yudo Mucizesi" ile "Dev ile Keloğlan" hikâyeleri var oldukları kültürlerin zengin örnekleridir. Bu masallardaki erkek karakterler abartılı anlamlara sahiptir ve sosyal, ahlaki veya mitolojik mesajları temsil etmektedir. İki masal arasındaki benzerlik ve farklılıkları göz önüne aldığımızda bu aşırı kahramanlaştırmanın pek çok düzeye yayıldığı görülmektedir.

"Köylü Oğlu İvan ve Yudo Mucizesi" masalındaki İvan, basit bir köylü oğlu olarak tasvir edilir. Ancak hikâye ilerledikçe karşılaştığı zorlukların üstesinden gelme yeteneği ve düşmanı mucizevi bir yardımla yenme başarısı nedeniyle bir

kahramana dönüşür. Güçlü irade ve dürüstlikle birleşen klasik bir kahramanlık hikayesidir.

Dev ile Keloğlan hikâyesinde ise Keloğlan, zeki ve kurnaz karakteriyle ön plana çıkar. Devle karşılaşmasında sergilediği bilgelik ve cesaret abartılı bir şekilde sunularak onu bir kahraman olarak konumlandırır. Keloğlan'ın hikâye boyunca karşılaştığı zorlukların üstesinden gelme yeteneği, halk masal kahramanının temel özelliklerini yansıtmaktadır.

Her iki hikâyede de erkek karakterler olağanüstü zekâ, büyük cesaret ve gerçekdışı fiziksel yeteneklerle karakterize edilmektedir. İvan ve Keloğlan sadece kendi toplumları için değil, aynı zamanda evrensel bir kahramanlık ideali sunmaktadırlar. Böylece oluşturulan karakter profilleri bugünün ve yarının gençlerini, hayallerinin peşinden gitmeye, zorlukların üstesinden gelmeye ve doğru olanı yapmaya teşvik eder.

Her iki masalda da erkek karakterler sıradan bir köylü ya da genç adam olarak tasvir edilirler ancak gösterdikleri cesaret, zekâ ve kararlılık sayesinde kurgunun ilerleyen dönemlerinde olağanüstü başarılar imza atarlar. Bu başarılar abartılı anlamlarla süslenmiş ve karakterlerin kahramanlaştırıldıkları görülmüştür.

Sonuç olarak, “Köylü Oğlu İvan ve Yudo Mucizesi” ile “Dev ile Keloğlan” hikâyelerindeki erkek karakterler abartılı hiperbolik anlamlar ile toplumsal değer ve erdemlerin önemli simgeleri haline getirilir. İvan ve Keloğlan'ın başarısı yalnızca kişisel cesaret ve becerilere değil, aynı zamanda toplumsal değerleriyle tutarlı davranışlara da bağlıdır. Bu hikâyeler geleneksel değerleri korurken okuyuculara cesaret, dürüstlük, yardımseverlik ve zekâ gibi erdemleri takdir etmelerini hatırlatır. Yani her iki masal da sıradan köy insanının nasıl sıra dışı kahramanlara dönüştüğü anlatılarak okuyucuya didaktik bir mesaj vermek amaçlamıştır fikrine ulaşılır.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

Kaynaklar

Arçın, S. M. (2023). Tuva Destanlarında Hiperbol (Mübalağa) Kullanımı Üzerine. *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*, 16 (41), 82-97.

Başaran, U. (2021). Toplumsallaştırılmış Cinsiyet Rollerini Bağlamında Keloğlan Masallarının Kadın Kahramanları. *Akademik Dil ve Edebiyat Dergisi, Yazılı, Sözlü ve Elektronik Ortamda Kahramanlık*, 85-98

Berdiyev, Z. (2022). Edebi Bir İfade Aracı ve Biçimsel Bir Araç Olarak Abartılı. Doğu rönesansı: gelişmiş, eğitim, doğa ve bilim sosyaller, 2(26), 732-736.

Bhasin, K. (2003). Toplumsal Cinsiyet. (Çev.: Kader Ay), İstanbul: Kadav Yayınları. Cambridge University Press.

Claridge, C. (2011). Hyperbole in English: A corpus-based study of exaggeration. UK

Çelikten, H., (2022). Toplumsal Cinsiyet Rollerinin Yeniden İnşası Sürecinde.

Eren, M. T. (2020). Halk Edebiyatı Çerçevesinde Türk ve Rus Halk Masallarında Yer Alan Formeller. *İğdir Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, (23), 159-184

Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic

ISEV. (2013). Dev ve Keloğlan. Erişim Tarihi: 22.09.2023 [ISEV – admin \(isev.org.tr\)](http://isev.org.tr)

Lopukhova, O. G. (2009). Transformatsiya gendernykh obrazov v tekstakh russkikh volshebnykh skazok. *Filologiya i kul'tura*, (16), 136-141.

M.A. Bulatov. (2015). Ivan- krest'yanskiy syn i Chudo-Yudo. Moskova: Izdatel'stvo Detskaya literature Masallar: "Eşit Masallar" Örneği, *Folklor Akademi Dergisi*. Cilt:5, Sayı:3, 738 – 751.

Nikolayenko, G. I., & Tayanovskaya, I. V. (2014). Stylistic originality of fictional narrative: comparative linguodidactic aspect. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (6 (49)), 25-27.

Pala, İskender (2006). "Mübalğa", İslâm Ansiklopedisi, C. 31, İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Y.

Safa, M. (2015). Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Erişim Tarihi: 16.11.2023 [20151230Muhammet Safa - Sanatsal Abartı Mübalğa.pdf \(tdk.gov.tr\)](http://tdk.gov.tr)

Shabanova, M. N. (2013). Sakral'nyye smysly russkikh narodnykh skazok. Uchenyye zapiski. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1 (25)), 185-194.

Şimşek, E. (2017). Türk Masallarının Milli Tipi: Keloğlan. *Akra Kültür Sanat ve Edebiyat Dergisi*, 5 (11), 41-57.

Tekin, O. (2017). Sanatın Gerçeği; Abartı. *Sanat ve Tasarım Dergisi*, (19), 139-159.

Tikbaş Apak, F. (2022). Türk ve Rus Masallarında Kahramanın Olağanüstü Yardımcıları. *Folklor Akademi Dergisi*, 5 (3), 712-722.

Ünsal Topçu, G. (2021). Fasih 'in Beyitlerinde Söz Anlam İlişkisi Bakımından Edebi Sanatlar. *Külliyat Osmanlı Araştırmaları Dergisi*, (14), 121-135.

V.YU. Khartung (2021). Giperbola V Angloyazychnoy Avtorskkoy Skazke Kak Odno Iz Sredstv Sozdaniya Obroza Personazha (Na Materiale Skazki R. Dalya «Charli Na Shokoladnoy Fabrike»). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (4 (89)), 444-446.

To the Problem of Critical Reflection, or Akim Volynsky on The Problem of Philosophy of The World

Eleştirel Düşünme Sorununa ya da Akim Volynsky Dünya Felsefesi Sorunu Üzerine

К Проблема Критической Рефлексии, или Аким Волынский о Проблема Философии Мира

Nina RAKOVSKAYA
Odessa National Mechnikov
University, Department of Philology,
Odessa, Ukraine
(Sorumlu Yazar-Corresponding
Author)

Abstract

The article analyses Akim Volynsky's system of value orientations. The article focuses on a number of paradoxical judgements of the critic due to the contradictory nature of his worldview and the incompleteness of his critical system as a whole. The aim of the article is to examine the critic's polemical concepts reflected in his assessments of literary criticism of the 1960s and decadence. The subject of the article are articles, critical essays, correspondence materials of Akim Volynsky, the object is his system of value orientations. The novelty and relevance of the article lies in the fact that Akim Volynsky as an art theorist and critic is one of the contradictory figures of the late 19th - early 20th century, therefore, his works, directly derived from his ontological orientations, deserve a more objective study. Phenomenological, historical-typological, structural methods, as well as the method of content analysis were used in the analysis.

Keywords: Intellectual, critical reflection, crisis consciousness, world model

Öz

Bu makale Akim Volynsky'nin değer yönelimleri sistemini analiz etmektedir. Makale, eleştirmenin dünya görüşünün çelişkili doğası ve bir bütün olarak eleştirel sisteminin eksikliğinden kaynaklanan bir dizi paradoksal yargısına odaklanmaktadır. Makalenin amacı, eleştirmenin 1960'ların edebiyat eleştirisi ve dekadans değerlendirmelerinde yansıttığı polemik kavramlarını incelemektir. Makalenin konusu Akim Volynsky'nin makaleleri, eleştirel denemeleri, yazışma materyalleri, nesnesi ise onun değer yönelimleri sistemidir. Makalenin yeniliği ve önemi, bir sanat kuramcısı ve eleştirmeni olarak Akim Volynsky'nin 19. yüzyıl sonu - 20. yüzyıl başının çelişkili figürlerinden biri olmasında yatmaktadır, bu nedenle doğrudan ontolojik yönelimlerinden türetilen eserleri daha nesnel bir çalışmayı hak etmektedir. Analizde fenomenolojik, tarihsel-tipolojik, yapısal yöntemlerin yanı sıra içerik analizi yöntemi de kullanılmıştır.

Anahtar kelimeler: Entelektüel, eleştirel düşünme, kriz bilinci, dünya modeli

Аннотация

В статье представлен анализ системы ценностных ориентиров Акима Волынского. Сделан акцент на ряде парадоксальных суждений критика, обусловленных противоречивостью его мировидения и незавершенностью критической системы в целом. Цель статьи: рассмотреть полемические концепции критика, которые нашли отражение в его оценках литературной критики 60-х гг. XIX в. и декадана. Предметом статьи стали статьи, критические очерки материалы переписки Акима Волынского, объектом - его система ценностных ориентиров. Новизна и актуальность статьи состоят в том, что Аким Volynsky как теоретик искусства и критик является одной из противоречивых фигур конца XIX – начала XX века, следовательно, его труды, непосредственно вытекающие из его онтологических ориентиров, заслуживают более объективного исследования. При анализе были использованы феноменологический, историко-типологический, структуральный методы, а также метод контент-анализа.

Ключевые Слова: Онтология, критическая рефлексия, кризисное сознание, миромоделирование

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:
Nina RAKOVSKAYA
E-mail: helgushka22@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 12.06.2024
Kabul Tarihi/Accepted 20.07.2024
Yayın Tarihi/ 01.09.2024
Publication Date

Cite this article

Rakovskaya, N. (2024). To the Problem of Critical Reflection, or Akim Volynsky on The Problem of Philosophy of The World *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic*, 1, 52-57.

Introduction

As an art theorist and critic, Akim Volynsky is one of the most controversial figures of the literary process of the late 19th and early 20th centuries. Note: Until the 1950s there was a ban on mentioning his name, although in the 1920s he headed the Petrograd branch of the Writers' Union and the board of the World Literature publishing house. Many of Akim Volynsky's studies in the field of cultural philosophy, comparative cultural studies, the works of F. Dostoevsky and N. Leskov are bibliographical rarities to this day. The first significant assessments of his literary and critical activity were made in the works of E. Tolstaya (Israel) and B. Menzel (Germany). Attempts at a scientific approach to Akim Volynsky's legacy in the last decade can be seen in the articles of V. Kotelnikov, L. Pild, K. Sozina and others. B. Menzel notes the following fact: "The traditional strength of Russian criticism, its ability to prophesy, is based on programme articles, beginning with V. Belinsky's annual reviews, through the essays of the symbolist critic Akim Volynsky, the theoretical criticism of the formalists Y. Tynyanov and B. Eichenbaum, the articles of the thaw thinkers Vladimir Pomerantsev and Vladimir Lakshin, up to the pioneering texts of the perestroika era" (Menzel, 2003: 150).

A Presentation of The Core Material

The collection of selected works by V. Toporov, *The Petersburg Text of Russian Literature*, notes the broad "conceptual" influence of Akim Volynsky on the literary process of the 1920s. In all likelihood, this assessment is made primarily because Akim Volynsky's criticism was philosophical and aesthetic. In addition, Akim Volynsky pointed out the value of philosophical and religious knowledge and proclaimed his model of an idealistic world view of culture, in opposition to the positivist one that "reigned" in that period. In this regard, he anticipated the solution of problems that would become topical in the cultural space of the twentieth century. However, his attempts to rethink the development of the literary process, to reconstruct the literary hierarchy remained unnoticed because they were superseded by the works of his colleagues (D. Merezhkovsky and other symbolist critics of the 19th and early 20th centuries). Furthermore, the theoretical research conducted by Akim Volynsky on the resurgence of idealism in philosophical and literary thought was not considered by the authors of the collection entitled *Problems of Idealism*. It was not deemed necessary by N. Berdyaev, S. Bulgakov and B. Struve to include the articles of their teacher in the collection. His analysis of the work of Russian writers was subjected to harsh criticism, while the books on F. Dostoevsky by N. Berdyaev and S. Bulgakov were largely based on the work of his teacher. Bulgakov's work was largely based on the concept of the critic's earlier works. Akim Volynsky's reputation was marred by a «certain negative opinion», which was attributed to the acerbic tone of his writing.

For an extended period, his work was disregarded and overlooked. Subsequently, the situation underwent a gradual transformation. The first bibliography of Akim Volynsky's works was published in 1915 in S. Vengerov's book, *History of Russian Literature of the Twentieth Century*. A new bibliography was subsequently produced by I. Vladislavlev in 1924 for the collection *Russian Writers*. This was followed by a further bibliography in 1928, produced by B. Vekker, which was included in a posthumous collection. In 1990, Evgeny Ivanova and A. Reitblat published a further bibliography. Nevertheless, given the considerable number of his texts that have yet to be published, in addition to the numerous manuscripts that remain unstudied, it becomes evident that the examination of Akim Volynsky's phenomenon is still in its nascent stages.

In the view of W. Duval, an intellectual is a figure of world literature or culture who has made a significant contribution to cultural philosophy, public discourse, and literary history, and who has become an iconic figure in the context of their contemporary historical era (Duval, 2005).

In this regard, it is possible to evaluate the contributions of prominent literary critics from the 19th and early 20th centuries. Nevertheless, Akim Volynsky's name is notably absent from the list of significant figures typically referenced by literary critics such as V. Rozanov, L. Shestov, and D. Merezhkovsky. This is due to the fact that his works have yet to be systematically organised, some of his articles are stored in archives, and his epistolary legacy has not yet been published. Furthermore, it is evident that Akim Volynsky is perceived as an unpopular figure by some, situated at a considerable

distance from the prevailing currents and trends of his era. He is known to have made several critical assessments of both the literary process that preceded him and the contemporary one. It is noteworthy that he was equally disliked at different points in the twentieth century. In the Soviet era, he was not pardoned for his uncompromising stance towards V. Belinsky and the 1860s. In the period spanning the twentieth and early twenty-first centuries. His stance on modernism was characterised by a polemical approach. Akim Volynsky is regarded as a notable philosopher and critic, an ironist aligned with the Heideggerian school and R. Rorty's system. He is also recognised as a connoisseur of culture, particularly ballet art, and as an author of original studies on Leonardo da Vinci, Rembrandt, and ancient culture. These aspects of his work are briefly mentioned in the studies.

It is widely acknowledged among contemporary scholars that the entirety of the Silver Age was permeated by the anticipation of profound syntheses. A number of Symbolist theorists, most notably Vyach. Ivanov, D. Merezhkovsky, and A. Bely, articulated these premonitions through their metaphysical and poetic discourse. However, Akim Volynsky was not the only individual to examine the potential and challenges associated with the pursuit of such a synthesis. It is evident that the primary issue in Akim Volynsky's system pertains to the philosophical critique of culture. In this regard, the critic, as observed by contemporaries, exhibited a multifaceted persona: a humble Dominican, a follower of Savonarola, and an inquisitor simultaneously. In all aspects of his life, he exhibited characteristics of asceticism, fanaticism, and heroism, combining "a remarkably intellectual depth with ideal constructions" (Zenkovsky, 2001: 738), which shaped the paradoxical nature of his thought. It is worthy of note that a considerable body of literature has been produced on the paradoxes of Russian critical reflection on this period. W. Schmid notes that the term "paradox" has its etymological roots in Greek, where it signifies a statement that contravenes the "doxa", or prevailing "truth", generally accepted opinion, and expectation (Schmid, 2003).

In light of this assessment, it is evident that Akim Volynsky's critical discourse is, in fact, characterised by a certain degree of paradox. His assessments are typically inflexible and at odds with the prevailing opinion of his contemporaries. Having freed himself inwardly from the power of thought stereotypes, he is irreconcilable in his assessment of his contemporaries, just as V. Rozanov was. Similarly to Rozanov, Volynsky is freed from the influence of preconceived ideas and is therefore irreconcilable in his assessments of existing value orientations. His paradox violates all established semantic hierarchies and tends to raise contradictory and often simultaneously insoluble problems. This aligns him with the context of deconstructivist thinking. (Semkiv, 2004). He made significant contributions to the field of literary and cultural studies, revising long-standing assumptions about historical periods, literary works, and philosophical and religious thought. Concurrently, he advocated for a universalist approach to literature and culture.

Akim Volynsky stated that he was influenced by the million allegories and metaphorical language observed by his father (who was engaged in the publishing industry) and the sensuality of his mother. It can be reasonably deduced that this was the reason behind his interpretive practice, which manifested a verticality, or aspiration towards the absolute, expressed in life-symbolic forms. This was a demand he made of verbal creativity, which he sought through an expansive plasticity, and which ultimately found its visual embodiment in ballet. "Accumulating the dreams of verticality," wrote G. Bashlyar, "we cognise the transcendence of being" (Bashlyar, 2004). However, the movement towards the Absolute frequently resulted in a divergence from human history and the concerns that burdened the spirit. He regarded knowledge of the divine as a form of subordination to the divine will. In his articles, he frequently reiterated the biblical assessment, as recorded in the Book of Job, in which the Lord addresses Job out of the storm: "Who is this one who darkens Providence with words without meaning?" From his perspective, the moment of rational comprehension is the moment of meaning; all other considerations are thus rendered inconsequential. Moreover, he held the view that the comprehension of the meaning of being is expressed in symbols and signs. The act of writing down these symbols and signs enables the comprehension of the essence that is valuable to humankind. "The world is a text, a Book". Akim Volynsky would, in an ironic twist, assert that he himself is a mere construct. "In essence, I am merely a literary work; I did not aspire to be anything more" (Volynsky, 1900: 60). Nevertheless, this book encompassed ideal meanings, irrational influences, and experiences of the divine that appealed to the heart rather than the mind. It also addressed the pursuit of

joy and holiness in a moment-by-moment mission.

It is noteworthy that Akim Volynsky, from an early stage of his career, produced a work entitled *The Theological and Political Teachings of B. Spinoza*. In this, he identified not only a logical formulation of the religious and philosophical intentions of the aforementioned Spinoza, but also an understanding of free thinking that had developed on a specific national and cultural soil. This thinking was expressed in the strong language of passion and conviction, and was informed by an awareness of Christian ethics "in the light of rationalism". Subsequently, Akim Volynsky continued to engage with the work of A. Schopenhauer and F. Nietzsche. All these influences determined the syncretism of his concept, reflected in *The Book of Great Wrath. Critical articles. Notes. Polemics* (Volynsky, 1904). The vocabulary used in the title accurately reflects Akim Volynsky's stance on the ideas that were prevalent during his lifetime. Furthermore, he sets forth his primary objective in the following manner: "The process of investigating, searching, and finding evidence" (ibid: 162). Akim Volynsky's interpretative principles are evident in his assessments of D. Merezhkovsky, Z. Gippius, O. Wilde and Vl. Soloviev and Vyach. Ivanov. It is important to acknowledge the impact of the personal dynamics between Ak. Volynsky and Z. Gippius, as reflected in Z. Gippius's narrative *Zlatotsvet* and her 99 letters to him. Additionally, it is essential to consider the poetess's assessments of Ak. Volynsky's literary work, Leonardo da Vinci, and his stance on decadence in general.

The extremes of polemical judgements of Ak. Volynsky's statements about Z. Gippius's poetry collection *Mirror* can testify to the extremes of his polemical judgements. In his study, *On the Close*, M. Yampolsky posits that a mirror does not reflect "subjective consciousness and the object of contemplation." Instead, he suggests that it functions similarly to a telescope, bringing the seen closer. (Yampolsky, 2010). In several of his works, he persists in his meditations: «The proximity of the mirror renders it impossible to overcome the distance associated with twinning» (ibid: 108). In relation to these evaluations, it is pertinent to highlight that the critic discerned a duality within Z. Gippius's anthology, which was perceived to be shaped by her perspective. In contrast with the opinions of his contemporaries, he considered the collection to have been created under the influence of "inspired ideas" and to represent a kind of modern demonic fever. This is evidenced by the literary costuming and flirtatious ingenuity devoid of any sense. Ak. Volynsky notes in the poetry of Z. Gippius "fussy swish and rustle of silk-lined dresses", dialogues resembling "soundless whispering", monologues that are excerpts from other people's articles, as a result of which "occurs" poverty of psychological content, replaced by shouting. Simultaneously, he was drawn to the vertical dominant, characterised by lightness, elegance of form and the poetess's capacity to evoke a specific bodily appearance. This is the reason why he subsequently referred to Z. Gippius as a woman belonging to an era of legendary and mythological proportions. However, this observation was not noted by Z. Gippius, who made disparaging remarks about a certain critic in her memoirs, stating that they demonstrated a lack of understanding of art and wrote "ugly articles".

In the 1890s, Akim Volynsky articulated a clear distinction between the concepts of "decadence" and "symbolism", emphasizing their inherent opposition. This perspective was articulated in his article, *Decadence and Symbolism*, which remains a seminal work in the field. In his subsequent work, *The Struggle for Idealism*, he observed that both phenomena emerged concurrently in modern European literature. The first manifested as a critique of established philosophical perspectives, while the second represented a reinterpretation of artistic perceptions in a novel context. (Volynsky, 1894).

From Akim Volynsky's perspective, decadence represents a negative phenomenon, serving only to oppose materialism and positivism. In contrast, symbolism unites the real world with the divine, facilitating a connection with religious consciousness. This process of restoration enables the revelation of the eternal within the world of phenomena (Volynsky, 1895).

The acrimonious nature of the debate and the vehement nature of the critiques levied by the two polemicists led to a deterioration in relations between Akim Volynsky and Z. Gippius and D. Merezhkovsky. This ultimately resulted in the critic being excluded from his literary circle. Akim Volynsky's extreme subjectivity led to a profound sense of loneliness that was not amenable to external communication. This observation was duly noted by V. Kotelnikov. This quality of his nature was the defining characteristic of his categorical nature.

Akim Volynsky was of the conviction that literary criticism should be entirely autonomous, as its objective is not

contingent upon the utilitarian demands of the era, but rather aligned with the "eternal idealistic needs of culture" (ibid: 293). This understanding positions the concept as a means of attaining reliable knowledge and of extracting truths about human nature. This is why the critic was so vehement in his condemnation of the publicism that characterised the 1860s. Like K. Leontiev, he attributed this phenomenon to a form of primitivism associated with egalitarian tendencies and a simplistic understanding of faith.

K. Leontiev perceived the universal assimilation of faith as the inception of a secondary simplistic mixture, which he believed would result in the narrowing of the personality and the decline of the creative forces of mankind. Akim Volynsky posits that art provides a means of extricating oneself from this predicament, bestowing upon beauty a sublime symbolic significance. It is evident that he views literature as a poetic expression of the same idealism in images of new beauty. He is convinced that true art, apart from the consciousness of the artists, has always had this precisely symbolic character. The development of "eternal ideas" in the human creator conditions "the emergence of new refined forms enlivened by deep inner truth" (Volynsky, 1894: 118). It is evident that this interpretation appeared simplistic to D. Merezhkovsky, V. Soloviev and A. Beloi. In particular, it "divorced" Akim Volynsky from V. Soloviev's concept of a poetic triumvirate (comprising a tsar, a poet and a prophet) and from A. Bely's postulates about symbolism as a worldview. It might have been beneficial for Akim Volynsky to conduct a more objective investigation into V. Ivanov's concept of symbolism and A. Bely's ideas about the transformation of the symbolism of contemplation into the symbolism of action. However, he acted as a critic whose polemics, which often overshadowed the essence of the text, served as the driving spring of the text.

In this context, his articles provide insight into the concept of decadence as a decline from previous standards of morality, spirituality, and divine worship. They explore how decadence represents a shift towards a worldview that is antithetical to traditional values, prioritizing aesthetic experiences and forms of beauty that are devoid of moral and spiritual considerations. (Volynsky, 1895).

In this infinite and unending journey, humanity reveals itself through its most extreme personal instincts, reaching a point of frenzied and exhaustive expression. For example, the critic notes that in the case of Charles Baudelaire, P. Verlaine, and A. Rimbaud, the aesthetic cult is accompanied by an inner cry that results in a state of discord and division of the soul. In a further example, Akim Volynsky refers to the worldview of the Russian decadent N. Minsky, characterising him as a decadent of the mind and describing his ideas as a game played over the abyss of emptiness and reasoned falsity. This is particularly evident in his judgements about God, which is why his poetry is perceived as hollow and hunchbacked, tragic and maliciously cynical. (Volynsky, 1900).

Such is the poetry of D. Merezhkovsky, which claims to be philosophical, but in reality goes no further than modern book terms. The critic demonstrates meticulous attention to detail in the integration of disparate concepts and historical periods, harmonising the physical and the spiritual, and the figure of Venus with that of Christ, as it is done in a reasoning and logical retort, «with people made of paper, as F. Dostoevsky would say», - the critic writes (ibid: 175).

This kind of judgement demonstrates the polemical subjectivity of the critic. It was evident to him that the personalities of N. Minsky and D. Merezhkovsky could not be compared. However, his rejection of the general concept of decadence rendered his judgments unambiguous, as A. Chekhov observed, describing his dialogues as the consequence of superfluous "polemical fervour". It is noteworthy that Akim Volynsky was similarly expelled from the restaurant during A. Skabichevsky's jubilee, in a manner analogous to the expulsion of V. Belinsky from I. Turgenev's jubilee. This observation was documented by A. Herzen in his memoirs, "Stories and thoughts". Indeed, during this period, Akim Volynsky was expelled from the restaurant. Volynsky received support primarily from V. Rozanov, particularly with regard to the concept of the 1860s. In a letter addressed to E. Hollerbach, V. Rozanov will set forth the following argument:

This Flexer (Volynsky) was the first to undertake the extensive project of revising Russian literary criticism. By the 1880s, having held a prominent position since the 1860s, and arguably since the 1840s, it had become, in the work of A. Skabichevsky and N. Shelgunov, a form of disruptive criticism, a "garden of torment" ("or a world of torture" in a Chinese palace) of Russian literature, complicated by a pub and a tavern. In assuming the burden of ridicule, curses, and malevolence that came with his name and his role in literature, Flexer-Volynsky set out to reveal a "biblical hidden Truth

for Russian literature" (Volynsky 1895: 290).

V. Rozanov himself was more objective in his assessment of critical thought. However, the names of V. Belinsky, N. Chernyshevsky, and A. Grigoriev was not of the same caliber as A. Skabichevsky and N. Shelgunov. Concurrently, in his article *The Collapse of Idols*, S. Frank articulated a critique of the Russian literary and intellectual milieu of the 1860s, distinguishing it from the contributions of V. Belinsky. Frank identified this period as one of "the narrowing of the spiritual horizon," and highlighted Akim Volynsky as a notable exception, who openly challenged the prevailing orthodoxy by expressing negative views about the "inviolable" literary shrines. For this act of intellectual dissent, Volynsky was subjected to a public boycott and ultimately expelled from the literary community.

Nevertheless, regardless of the eventual outcome of his personal circumstances, it was inevitable that Akim Volynsky would be forever enshrined in the annals of cultural history.

Conclusion

In light of the preceding discussion, the following conclusions may be drawn: The paradox of Akim Volynsky is that he was one of the first Russian literary critics to contribute to the *Severny Vestnik*, a journal that was open to Russian and European decadence. Akim Volynsky's polemical and sensational speeches were unparalleled in their impact, clearing the ground of the old "inheritance" but simultaneously isolating him within the literary movement he himself had initiated.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

References

- Bashlyar, G. (2004). *The Poetics of Space*. Selected Works: Poetics of Space, Moscow, 5-212.. [In Russian]
- Duval, W. (2005). Lost illusions. The intellectual in France. *Republique dictionnaire. France in the World Intellectual Culture*, Moscow, 337-349. [In Russian]
- Menzel, B. (2003). Changes in Russian literary criticism. A look through a German telescope. *Untouchable reserve*, No. 4 (30), 145-153. [In Russian]
- Semkiv, R. (2004). *Ironic structure: types of irony in fiction*. Kyiv. [In Ukrainian]
- Schmid, W. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. [In Russian]
- Volynsky, A. (1894). Literary notes. *Northern Herald*, No. 4, 117-128. [In Russian]
- Volynsky, A. (1895). Литературные заметки (Literary Notes). «Северный вестник», № 2, с. 280–293. [In Russian]
- Volynsky, A. (1904). *Книга великого гнева*. (The Book of Great Wrath). Санкт-Петербург. [In Russian]

Volynsky, A., (1900). *Критические очерки*. (Critical Essays). Санкт-Петербург. [In Russian]

Yampolsky, M. (2010). *"Through a dim glass": 20 chapters on uncertainty*. Moskow. [In Russian]

Zenkovsky, V. (2001). *History of Russian Philosophy*. Moscow: Academic Project, Rarity. [In Russian]